

Галина
Романова

Я, звездный рыцарь,
или
Выйти замуж за героя

12+

Галина Львовна Романова Я, звездный рыцарь, или Выйти замуж за героя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39829971

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта книга – не прямое продолжение "Надежды". Прошел год. Шоррен, бывший поселенец на Гудзоне, покинул планету и пытается найти новое место в жизни. Но жизнь сурова к каторжникам, даже бывшим. Гурий Хват во всем поддерживает своего протеже, верит в него, но у него свои проблемы. После блестящей операции на Гудзоне он прославился, как герой книги, и теперь его преследует Карла Хоккенен, страстная поклонница, мечтающая выйти замуж за героя своих грез.

Галина Романова
«Я, звездный рыцарь»,
Или
Выйти замуж за героя
Вместо пролога.

Шоррен сидел в кабаке.

Обычный кабачок, каких полным-полно на окраинах и в центре любого крупного города, тем более столицы материка. Они есть почти на каждой улице, отличаясь во многом – где-то владелец арендовал полуподвал, и в зале царил полумрак, где-то, наоборот, заведение располагалось в надстройке на крыше невысокого старинного, позапрошлого века, здания, так что в окна лился солнечный свет, а с крыльца открывался неплохой вид на историческую часть города. Где-то мебель была из дешевого пластика, а где-то использовали дорогое натуральное дерево и металл. Где-то вас обслуживали киборги давным-давно списанных моделей, еще андроидного типа, где-то «настоящий» бармен смешивал напитки, а где-то предполагалось самообслуживание. Да и цены отличались разительно. Общим было одно – ассортимент и контингент. Там и тут можно было получить раз и навсегда утвержденный список коктейлей или сортов вина, пива или более крепкого пойла. «Что-то новенькое» отыскать было нереально, даже если задаться целью обойти все питейные заведения города. Ну, или, как вариант, в зале самооб-

служивания попробовать смешать ингредиенты для коктейля новым способом. Скажем, в пиво влить банановый ликер и добавить корицу и паприкаш. После чего подогреть, посолить и ждать, что получится.

Однако для Шоррена было абсолютно все равно, что подают и кто подает – уставшая от клиентов официантка, профессионально словоохотливый бармен, скрипящий всеми сочленениями андроид или ты сам. Главное, что это была все-таки выпивка, которая позволяла хоть ненадолго забыться. И – люди, которые не препятствовали этому.

С людьми было сложнее всего. Люди Шоррена раздражали, что, впрочем, было взаимным чувством. А ведь еще недавно все было совсем иначе...

Возвращение в большой мир ошеломило бывшего каторжника-поселенца с планеты Гудзон. Покинув цивилизацию наивным мальчишкой – хотя того, кто начал жизнь в детском доме, потом с десяти до шестнадцати лет бороздил просторы Галактики в компании «черных» звездoproходцев, а последние два года «дорацивался» в колонии для несовершеннолетних преступников, сложно считать наивным! – Шоррен в неполные тридцать лет оказался в мире, к которому был совершенно не готов. Новые люди. Новые отношения. Новые права и обязанности. Новая работа. Все новое и непривычное. И времени на то, чтобы приспособиться, не было.

Пока патрульный крейсер «Стремительный» возвращался на базу, Шоррен успел немного сойтись с экипажем и почти уверился, что будет служить с этими людьми. Наслышанный о том, что жизнь патрульного состоит не столько из драк, погонь и засад, сколько из составления отчетов, заполнения различных анкет, сочинения планов работы и прочей бумажной волокиты, а также довольно нудного патрулирования пустынных секторов на случай, как бы чего не вышло, он все-таки ждал и надеялся на лучшее. Молодому человеку удалось близко познакомиться кое с кем из экипажа, он обзавелся даже друзьями, и единственным, кто его явно терпеть не мог, был Людомир Ковач, старпом и первый заместитель капитана Гурия Хватова по прозвищу Хват. Лейтенант Ковач только недавно перевелся из наземной патрульной службы в космическую, на парней типа Шоррена насмотрелся «дома» и утверждал, что бывший «черный» звездодоходец только и ждет случая, чтобы предать. Он укрепился в этом утверждении, когда Гурий Хватов пытался оформить на Шоррена документы. Оказалось, что, кроме имени, точно ничего установить нельзя. Ни дату рождения, ни национальность, ни расу и вид*, ни место рождения, ни тем более имена и фамилии родителей. Генетический анализ показал лишь, с какой планеты могли происходить его предки, но люди этого подвида обитали на сорока шести планетах, из которых тридцать четыре входили в Великую Звездную Империю, а остальные – либо в Лигу Свободных Планет, либо сохраняли незави-

симость. Так что биографию Шоррену пришлось сочинять на ходу. То ли знакомство с неподражаемой Бриллиантиной Перламутровой, автором многочисленных любовно-исторических романов о любви, оставило свой след, то ли в глубине души Гурий Хват сам был немного поэтом и писателем, но с его легкой руки Шоррен стал выходцем с маленькой планетки на окраине рукава Галактики, именуемого Шарфиком Невесты. Условия жизни там были тяжелыми, и родители Шоррена двадцать пять лет назад решили переселиться на другую планету и стать колонистами. Однако по пути случилась катастрофа – столкновение с метеоритом. Корабль был поврежден, началась срочная эвакуация, женщин и детей запихали в спасательные капсулы и катапультировали. На счастье, поблизости оказалась планета Гудзон, куда три из пяти капсул и приземлились. К несчастью, в необжитый район. Какое-то время уцелевшие при кораблекрушении пытались выживать, но планета оказалась настолько дикой, что почти все погибли. Спасти удалось единицам. Вернее, на них наткнулся отряд геологов, производивших разведку полезных ископаемых. Так Шоррен и оказался поселенцем Гудзона, добровольно стал членом бригады лесозаготовителей, но помнил свое раннее детство на другой планете и, накопив некую сумму, решил отправиться «навестить родные места».

(*В данный период времени вид «человек разумный», он же Homo Sapiens, разделился на два отдельных вида – Homo

S. vulgaris и Homo S. cosmicus с шестью подвидами. Прим.авт.)

В историю поверили. Бывший «черный» звездопроходец исчез, как будто и не бывало. Родился «чистый» колонист Шоренн Ганн, и все было хорошо, если бы не старший помощник Ковач. Когда «Стремительный» вернулся на базу, Ковач поднял свои старые связи. Ему удалось невозможное – он сумел найти адрес той колонии, где «дорасчивался» Шоррен перед тем, как обвинительный приговор вступит в силу. Оказывалось, что беглеца должны были осудить на пятнадцать лет работы на урановых рудниках, и до окончания срока еще оставалось около двух лет. То есть, если бы удалось доказать, что Шоррен-колонист и Шоррен-звездопроходец – одно и то же лицо, то парню пришлось бы все-таки отсидеть эти два года.

Капитан Хват мог бы его защитить, если бы Шоррен был членом экипажа, но тут возникла еще одна проблема – у кандидата не было никакого образования. Он кое-как мог читать и писать, знал три языка и умел прекрасно разбираться в оружии, а также немного умел пилотировать малые суда, но для того, чтобы стать патрульным, этого было не достаточно. Шоррену пришлось отправиться на учебу. Мужчина тридцати лет (для сочинения биографии колониста его возраст пришлось округлить, накинув несколько месяцев) оказался за одной партой с юнцами семнадцати-восемнадцати лет, которые обгоняли его во всем, начиная от количества

прочитанных книг и заканчивая умением ориентироваться в окружающем мире.

Учеба должна была продлиться около года, и за весь этот год Гурий Хватов ничем не мог помочь Шоррену. Зато Ковач развернулся вовсю. «Он предатель! – твердил старпом «Стремительного». – У него взгляд предателя. И потом – он сам сознался, что был когда-то «черным». А звездопроходцы бывшими не бывают! Вот увидите, капитан, стоит ему войти в состав экипажа, и он начнет сливать информацию пиратам! И угадайте, кто станет его первой жертвой?»

Гурий верил Шоррену, но без документа об окончании учебы и успешной сдачи экзаменов он не мог взять его под свое покровительство. Бумага оказывалась сильнее. Они с Ковачем трудились на пару, копая в противоположных направлениях и надеясь, что экзамен начнется раньше, чем придет ответ на запрос из колонии. Обоим мешало и помогало то, что «Стремительный» уже через неделю после того, как Шоррен начал учебу, отправился в долгое патрулирование. Следовательно, любые запросы должны будут ждать возвращения экипажа на Вангею.

Ответ пришел.

Шоррен знал об этом – все-таки он учился не на кого-нибудь, а на полицейского – и кое-какие знания успел получить и обзавелся знакомыми. Вернее, кое у кого из его соучеников такие знакомые нашлись, и сегодня днем, в перерыве между занятиями, когда группа шла с лекции на стрельбище, с

Шорреном поравнялся один из курсантов, Флегмачек.

– Доволен? – подмигнул он.

– Чем? – Флегмачек редко снисходил до беседы с ним, и

Шоррен сразу заподозрил неладное.

– Кончилась скучная писанина, можно поразмяться...

Шоррен пожал плечами, не зная, что сказать.

– Я тебя понимаю, – как ни в чем не бывало, продолжал Флегмачек. – Тебе над бумажками корпеть непривычно. А вот стрелять – это да. Десять попаданий из десяти, из любой позиции, причем сразу в «яблочко». А плазмомет никто быстрее тебя собрать-разобрать не может.

Шоррен кивнул. Что верно, то верно, на боевых занятиях он показывал лучшие результаты, далеко опережая отличников.

– Долго, небось, этому учился? – сокурсник упрямо вызывал Шоррена на разговор.

– Да как сказать, – уклончиво ответил тот, памятуя о «мальчике с окраинной планетки».

– Еще бы! Порой приходится спешить наперегонки со смертью, – усмехнулся Флегмачек. – Убивай, чтобы не убили тебя, так?

– Чего?

– Того! Где ты так научился с оружием обращаться? Прямо спецназовец какой-то!

– На Гудзоне.

– И не только? – подмигнул собеседник.

– Ну... еще тут немного... и на «Стремительном» тоже... чуть-чуть...

– Ага, чуть-чуть. Лет пять это «чуть-чуть» продолжалось? Или все шесть? – голос его дрогнул, стал холоднее.

– Ты о чем? – занервничал Шоррен. К их разговору начали прислушиваться, и Флегмачек нарочно повысил голос, работая на публику и привлекая внимание всего строя.

– Да все о том же! Ты с оружием обращаешься так, словно тебе уже приходилось воевать, флайер водить умеешь, автопилот на тренажере с закрытыми глазами программируешь, в медицине разбираешься. И при этом не знаешь элементарных вещей – в инфранет выходить не умеешь, книг не читал, даже с включенным текстовым редактором ошибки печатаешь, про физику, химию, историю и политологию только здесь узнал... Откуда ты вообще взялся, с таким странным набором знаний?

– С Гудзона, говорю же...

– Ага. А еще врешь, как дышишь. На Гудзон ты откуда попал? И сколько лет назад? Двадцать пять? Или всего тринадцать?

– Что ты ко мне привязался? – Шоррен еще сдерживался, прекрасно понимая, что мальчишка неполных девятнадцати лет нарочно пытается его достать. – Чего тебе от меня надо?

– Правду. А то вот, слышно, просочилась инфа, что кое-кого разыскивают по всей Галактике. И отнюдь не для того, чтобы вручить ценный подарок. А наоборот... И этот кто-то

очень на тебя похож. Имя и возраст совпадают. И то, что вы оба с Гудзона. Сказать, кто тот, второй, дабы ничего не перепутали?

Краем глаза Шоррен давно уже заметил, что сержант Жмых, инструктор по стрельбе, внимательно прислушивается к разговору. И если раньше он только ждал момента, чтобы пресечь диалог, то сейчас просто пополнил ряды слушателей. А это значит, что останавливать Флегмачека, что бы тот ни говорил, никто не собирается. Наоборот, замолчи он сейчас, и его просто заставят выложить всю подноготную.

– Ну, – он все-таки смог усмехнуться, – скажи.

– Тот, второй, сбежавший с каторги «черный» звездопроходец, – улыбка Флегмачека стала сладкой. Шоррену понадобилась вся его выдержка, чтобы ответить тем же.

– И что?

– А то, что пираты бывшими не бывают.

– И ты считаешь пиратом... меня?

Ему показалось, что вокруг все замерло. Даже время.

– Не важно, кем я считаю тебя, Шоррен Ганн, – Флегмачек все еще улыбался. – Важно, кто ты есть на самом деле и есть ли тебе что-то скрывать. И если выяснится, что ты не тот, за кого себя выдаешь... сам понимаешь, таким, как ты, в Интергалакполе делать нечего. Твое место не здесь. Твое место там, – он неопределенно махнул рукой куда-то за горизонт. – Подальше от... людей.

Шоррен замер. Они с Флегмачеком стояли друг напротив

друга, нарушая строй, сверля глазами и забыв, где находятся. И – странное дело – весь строй тоже остановился, невольно смыкаясь вокруг них кольцом. Вернее, кольцом вокруг Шоррена – Флегмачек каким-то чудом оказался среди остальных.

– Значит, я – не человек? Значит, я – ксенос? А ты знаешь, какая статья предусмотрена за ксенофобию? Тем более для таких, как ты?

Судя по форме черепа и чертам лица, Флегмачек принадлежал к другому подвиду «гомо космикос», нежели Шоррен, и при этом оба они были генетически чужими большинству «коренного» населения Вангеи. Но в обязанности галактической полиции входило и улаживания этнических конфликтов между людьми и представителями других разумных видов. И ксенофобам тут места не было.

– Я этого не говорил. Я вообще не употреблял этого термина, – дипломатично ушел от конфликта Флегмачек. – Это ты у нас неровно дышишь к представителям других разумных видов. Насколько я слышал, у «черных» звездопроходцев ксенобобфия тоже не в чести и есть смешанные экипажи?

– Не знаю.

– Врешь. Все ты знаешь, только скрываешь почему-то... И я, кажется, знаю, почему. Сказать? Или пусть за меня это сделает начальство?

– Скажи. Не прячься за чужими спинами, как трус. Или ты меня боишься?

– Тебя? Было бы, кого, – скривился курсант. – Ты – пират.

Удравший из тюрьмы и только жду...

Кулак Шоррена так быстро врезался в скулу Флегмачека, что никто не успел среагировать. Курсант отлетел, упал на руки товарищей.

– Т-ты...

Шоррен еле успел принять боевую стойку, присел, крутанувшись на пятках и уворачиваясь от двух летящих в него кулаков, одновременно провел подсечку, сбивая с ног третьего нападавшего и скользящим движением заходя за спину четвертому. В свалке главное – вырваться из круга, иначе даже самого сильного и опытного бойца могут запросто затоптать и смять числом. И ему это удалось, правда, ценой нескольких ссадин и ушибов, а также чьих-то свернутых набок носов и переломанных кистей, но прежде, чем драка развернулась в полную силу, прогремел бас сержанта Жмыха:

– Отставить!

Еще раз или два взлетели кулаки и каблуки, а потом свалка рассыпалась, трансформируясь в неровный – не все могли стоять прямо, кое-кому пришлось сделать усилие, чтобы выпрямить спину – строй. Шоррен занял свое место, третьим справа. От Флегмачека его отделяло четыре человека.

– Щенки! – рыкнул сержант. – Сопляки! Всех отчислить! Завтра же! Самый позорный курс! Докладная сегодня же будет у начальства. Можете уже сейчас поснимать нашивки и разойтись!

– Но сержант, это Шоррен Ганн...

– Что – «Шоррен Ганн»?

– Это ему не место среди нас, – Флегмачек, чей нос напоминал лопнувшую сливу, из которой сочится сок пополам с кровью, вышел из строя. – Он – пират. Преступник и должен быть отправлен...

– У вас есть доказательства, курсант Флегмачек?

– Никак нет, но...

– Вот когда они появятся, тогда и будете предъявлять претензии... если, разумеется, у вас будет такая возможность, после сегодняшней драки. А теперь нале-во, кругом! Бегом марш!

«Выгоняя дурную кровь», как пояснил сержант Жмых, он заставил курсантов пробежать три лишних круга, после чего прогнал через полосу препятствий туда и обратно, затем отослал на стрельбище и, не успели парни перевести дух, снова отправил на пробежку и тренажеры. В общежитие они приползли, еле держась на ногах – обед из-за этой «силовой разрядки» парни пропустили, опоздали и на ужин, так что пришлось довольствоваться сухомяткой. Измотанные сверх меры – обычно полицейских натаскивали по облегченной программе, в отличие от звездного десанта – курсанты буквально падали на койки, слишком усталые, чтобы ругаться. Шоррен был крепче всех – сказывался возраст и далеко не тепличные условия, в которых он жил последние тринадцать лет. Утомившись меньше других, он замечал бросаемые в его сторону ненавидящие взгляды и, когда комната в обще-

житии погрузилась в сон, долго лежал с открытыми глазами, не в силах расслабиться и ожидая нападения. Будущее, в которое он почти уже начал верить, вдруг оказалось зыбким и ненадежным. Намеки Флегмачека сделали свое дело. Теперь он под подозрением. А если слова парня правдивы? Если по его поводу действительно пришел запрос? Если все узнают, кто он на самом деле?

Утешением – и то слабым – служило то, что завтра был выходной день. Занятий в школе не было, большинство наставников покидали школу, разъезжаясь по домам. Оставались только дежурные, а также те немногочисленные одиночки, которые не имели своей семьи и обитали на территории школы, проживая в том же общежитии, разве что на первом этаже. Многим курсантам в эти дни разрешалось отлучаться в увольнительные, но Шоррен сильно сомневался, что после вчерашней драки его и остальных выпустят за КПП.

Правда, существовала еще и самоволка, но этот выход Шоррен оставил на самый крайний случай. Когда – и если – подозрения подтвердятся, и все узнают, что он бывший «черный» звездопроходец...

Но звездопроходцы, что, не люди? У них нет никаких прав перед законом? Их никто не защищает от произвола? Все знают, что есть государственная служба звездопроходцев, которые открывают новые миры, первыми вступают в контакт с новыми цивилизациями и занимаются научными исследованиями. Есть и вольные звездопроходцы, которые за-

нимаются тем же самым, но на свой страх и риск, их экспедиции финансируются не государством, а из собственного кармана звездoproходцев, и они перебиваются торговлей, скупкой краденого, контрабандой и мелким разбоем. Польза от подобных торговцев намного перевешивает вред, причиняемый контрабандистами. А есть и «черные» звездoproходцы, и проходящая между ними и вольными грань настолько тонка, что даже сами звездoproходцы, случалось, не отличали тех от других, и один и тот же человек мог именоваться вольным, а мог и «черным» – порой в зависимости от настроения и количества выпитого накануне. Но в случае с Шорреном никто не скажет, что он законопослушный вольный. Он – «черный», хотя бы потому, что действительно был арестован, действительно отсидел на «доращивании» несколько месяцев в тюрьме для несовершеннолетних и действительно пять лет был каторжником на Гудзоне. А это значит, что дорога ему обратно – в тюрьму. Только теперь уже сразу на урановые рудники, как беглому. Лишь в самом крайнем случае невероятного, нечеловеческого, сказочного везения ему придется стать «государственным» рабом и повторить свою гудзонскую одиссею. Только на другой планете.

Но неужели для бывшего «черного» в обществе нет места? Неужели ему до старости жить с клеймом пирата? Неужели зря он рвался с Гудзона в глубокий космос и не судьба ему снова оказаться в небе?

Проворочавшись на койке полночи, Шоррен уже перед

рассветом забылся беспокойным сном, решив про себя, что утро вечера мудренее.

Утро подтвердило его худшие опасения. Прошел слухок, что по поводу одного из курсантов действительно делался запрос в высшие инстанции, и вот пришел ответ. Файл с документами завис на почте школы, открыть его мог только сам комендант, который должен вернуться к вечерней поверке, и уже завтра будет известно имя «счастливчика», а также все подробности его биографии.

Упомянув этот момент – дескать, ему под большим секретом доверил тайну секретарь коменданта – Флегмачек в столовой так многозначительно косился в сторону Шоррена, что к обеду уже вся школа, все шесть групп курсантов, знали не только имя, но и те самые подробности.

После обеда многие курсанты отправились в отпуск в город. Выпускали и кое-кого из их группы – тех, у кого уже сошли синяки и рассосались ушибы и ссадины. Не годится пугать обывателей видом помятых и потрепанных курсантов. Из зачинщиков драки остался на месте только Флегмачек – его свернутый набок нос, конечно, вправили, но он распух и все еще напоминал сливу. Врач обещал, что отек полностью спадет уже к утру, но это не улучшило настроения курсанта.

– Из-за тебя у меня сорвалось свидание с подружкой, – прошипел Флегмачек, возвращаясь в комнату. – Еще неделю не увидимся!.. Но ничего, тебе девчонок не скоро доведется потискать! Уже завтра тебя тут не будет!

Усмехнулся своим мыслям, упал на койку, вытащил планшет и вышел в инфранет, чтобы пообщаться с подружкой виртуально.

В комнате, где обычно спали восемь человек, их оставалось только двое – прочие ушли в город. Другого шанса, чтобы расправиться с неприятелем, не было, но Шоррен вместо того, чтобы врезать парню, вышел, хлопнув дверь.

Этаж как вымер – многие комнаты были пусты, лишь в соседней на койках скучали еще трое «ушибленных». Шоррен вышел из казармы, покрутился вокруг здания. В учебку идти не хотелось, на тренировочный плац тоже, к административному корпусу не лежала душа, столовая закрыта, а куда еще податься? Ноги сами принесли его к КПП. Дежурный вовсю развлекался просмотром телевикторины. Шоррен остановился в двух шагах от ворот. Там, за ними, лежал внешний мир, которого он практически не знал.

– Чего застыл? – дежурный отвлекся от викторины. – Ты или туда, или оттуда!

– А что, можно?

– На прогулку? Жетон покажи!

Шоррен полез в нагрудный карман.

Как ни странно, едва он приложил его к считывающему устройству, загорелась желтая лампочка. Путь был свободен.

– Я могу выйти?

– Если хочешь. Вот чудак-человек...

Это было странно. Он ожидал, что вспыхнет красный за-

прещающий сигнал. Что случилось? Сбой программы? Или просто в отсутствие начальства никто из низших чинов не озаботился тем, как бы изолировать преступника? Ведь он дрался! И последствия драки еще виднелись на его лице – одна скула была чуть припухлой. Не так, как у Флегмачека его шнобель, но все-таки... и ссадины на костяшках пальцев... и залитая коллоидом бровь... И все-таки его выпускали?

Он сделал шаг.

И теперь сидел в кабаке и пил.

Этот кабак находился не только довольно далеко от того района города, где находилась курсантская школа и где чаще всего обретались будущие полицейские. Он был совсем рядом с одним из трех столичных космопортов, и время от времени издалека доносился гул и рокот – это взлетали или садились челноки крупных пассажирских лайнеров или мелкие суда. Разнообразием здешнее меню не отличалось – четыре сорта пива, шесть вариантов коктейля, джин, виски, водка и еще несколько адских смесей специально для ксено-сов, рискнувших попробовать человеческие напитки. Закуска была выпивке под стать – сухарики, чипсы, жареные колбаски, сыр и орешки. Но для Шоррена это не играло большой роли. Он пришел сюда, проплутав по городу больше трех часов, просто для того, чтобы напиться и забыться.

Время увольнительной подходило к концу. Еще два ча-

са, и он будет считаться опоздавшим. Если вернется до утренней пересменки, всего-навсего попадет на гауптвахту на столько дней, сколько лишних часов прогулял. А если не появится до побудки, то есть, до шести утра, то его официально объявят в розыск как беглого. И в сочетании с пришедшей по его душу официальной корреспонденцией это можно считать вынесенным приговором.

«Я обречен, – думал Шоррен, глядя на кружку. – Это конец! Но неужели все?»

Опыт далекого прошлого подсказывал, что из любого положения есть выход. Его не может не быть, и чаще всего их два или три. Просто не все выходы подходят. И Шоррен умом понимал, что отчаиваться рано, что жизнь не кончилась, что даже по имперским законам его жизни ничего не угрожает. За то, что он оказался бывшим пиратом, не расстреливают. Урановые рудники? Это в самом худшем случае и «всего-навсего» на два года. За это время он не успеет словить смертельную дозу радиации – ведь на урановые рудники чаще всего отправляют на срок от трех до пяти лет. Следовательно, есть шанс снова оказаться на свободе – теперь уже с наичистой совестью.

Но что потом?

Шоррена бесило именно это – мысль о том, что после вторичного освобождения ему придется начинать все с начала. Только тогда рядом не будет капитана Гурия Хватова, который поверил ему, позаботился и поддержал. Шоррену при-

дется рассчитывать только на себя – значит, придется забыть мечту о космосе и сосредоточиться на том, чтобы выжить. Но разве ради этого ли он удрал с Гудзона? Там, в глухом лесу неосвоенной планеты, у него было все – дом, друзья, женщина, дочка, работа, охота и немудреные развлечения. Многие люди не имеют и половины этого и счастливы. Чего ему дома не сиделось? Может быть, правильно утверждает общественное мнение, что звездопроходцы бывшими не бывают? И что если ты один раз почувствовал на губах поцелуй звездного ветра, забыть его уже невозможно?

«Я не могу, – сказал себе Шоррен. – Не могу все так оставить! Я...»

Над дверью вспыхнул индикатор, после чего раздался мелодичный трезвон – в кабачок вошли новые посетители.

Близость космопорта наложила отпечаток на местную публику – большинство носило форму космических пилотов всех мастей и рангов. От торговцев до служащих летной компании «Спейс-тайм». Эти люди не знали друг друга, сидели кучками – свои со своими – не спешили лезть с расспросами к соседям, разве что те начнут обсуждать что-то крайне интересное. На одиночку Шоррена тут никто не обращал внимания – ну, курсант и курсант. Ну, сидит и сидит. Молчит, в разговоры не вступает, пьет себе потихоньку, так что обращать внимание? Тот тоже особенно не рассматривал посетителей, и на вошедших сперва обратил внимания не больше, чем остальные.

Четверо новичков были одеты одинаково – в допотопные кожанки явно кустарного производства, как можно было судить по покрою и неровной строчке. На широких поясах висели кобуры лазерников, у двоих за плечами покачивались плазменные винтовки, еще у одного рядом с кобурой болтался в ножных резак устрашающего вида. Все четверо были немолоды, на вид им было хорошо за пятьдесят, но, судя по подтянутым фигурам и легкой походке, это был «космический» возраст, а на самом деле они были моложе. Вольных звездопроходцев в них изобличала не только внешность, но и взгляд, и походка, и то, как они на миг замерли на пороге плечом к плечу, оценивая остальных посетителей.

На несколько секунд в кабачке повисла тишина, такая, что от рева очередного заходящего на посадку челнока все вздрогнули. Потом вольные прошли к стойке, заказали четыре разных коктейля по четыре порции каждого...

Шоррен успел отвести взгляд, опять уткнувшись носом в свою кружку, и даже сделал пару глотков, когда услышал негромкий шепот:

– Ты смотри...

– А? Чего?

– Да не туда. Левее. У стены, за дальним столиком...

– Звездная мать! Не может быть!

– Ну...

Шоррен не смотрел на собеседников, потягивая пиво, но чувствовал, как четыре пары глаз буквально ошупывают его

взглядами. Ему было слегка не по себе. Выход. Один из тех, который он не мог предугадать, но который мог бы спасти. Если бы не...

Четверо зашептались тише, пытаясь решить, мерещится им это или нет. Шоррен не шевелился, отсчитывая секунды. У него оставалось не так уж много времени. Увольнительное заканчивалось всего через два часа. Если идти скорым шагом, он успеет пройти КПП минут за пять-семь до отбоя. В два глотка допил пиво, бросил на стол жетон оплаты – у курсантов не было своих кредитных карточек, они за все расплачивались жетонами, которые выдавались им раз в месяц. И только собрался встать, как на его столик упала тень.

– Свободен?

– Да. Я ухожу...

– Да не торопись. Тут достаточно места на всех. Мы не стесним, – четверо подошли, встали с четырех сторон. Каждый держал по два коктейля.

– И все-таки я уйду. Не хочу мешать компании, – он попытался встать.

– А мне кажется, что ты прекрасно в нашу компанию вступишь!

Тот, кто произнес эти слова, протянул парню один из коктейлей:

– Выпьешь?

– Нет, спасибо. У меня жетоны кончились.

– Я угощаю, – высокий бокал, в котором переливалась си-

не-желтая жидкость, на поверхности которой плавали хлопья чего-то, напоминающего взбитый яичный белок, оказались у самого носа. – За встречу!

– Вы уверены, что...

– Хотелось бы нам быть уверенными в том, что мы не ошибаемся, но...

– Мы могли встречаться раньше? – подал голос тип, стоявший справа. Он закрывал собой выход, и единственный не просто казался старше, но и был старше остальных лет на двадцать.

– Не знаю, – Шоррен бросил в его сторону быстрый взгляд и тут же отвернулся.

– И я не знаю. А хотелось бы знать. Присядь.

– Не могу. Я тороплюсь. У меня увольнительная через два часа заканчивается. Я...

– Сядь.

Две жесткие ладони надавили на плечи, вынуждая вернуться на стул.

– Мы тебя ненадолго задержим, – тот, кто предлагал коктейль, настойчиво придвинул к нему выпивку. – Если обознались, доставим с ветерком, куда скажешь. А если нет... Но ты, звездный ветер мне поперек глотки, здорово похож на одного типа...

– Сомневаюсь, – процедил он, сцепив руки на столе.

– А я вот не совсем, – произнес старший. – Хотя, вроде, много лет прошло... Четырнадцать, кажется... Или трина-

дцать? Позорную Звезду помнишь?

Шоррен не хотел, но вздрогнул. Именно на Позорной Звезде его и взяли... Вспоминать обстоятельства того последнего боя, капитуляции и ареста не хотелось. Тогда он просто испугался – что его предали, бросили, забыли в горячке боя, оставив один на один против солдат.

– Помнишь, – старший испустил вздох. – А вот я не был уверен, что смогу тебя вспомнить... сколько лет прошло... Шоррен... Тебя ведь Шорреном зовут?

Можно было поспорить, прикинуться дурачком и сыграть в возмущенное недоумение: «Вы меня с кем-то путаете!» И, скорее всего, если он будет достаточно убедителен, все встанут на его сторону – камеры наверняка зафиксировали, что вошли они вместе, что эта четверка подседа позже, что он не искал встречи и вообще – это еще надо доказать, вольные перед ними звездoproходцы или «черные», которые на любой развитой планете объявлены вне закона! Мог бы и сначала так и хотел, но... Это проклятое «но», заключавшееся в том, что накануне в курсантскую школу пришел касающийся его документ о том, что никакой он не сирота, сын мирных колонистов, а бывший пират.

– Я не мог ошибиться, – продолжал старший, наваливаясь на стол и так сжимая в багровых от космического загара руках стакан с коктейлем, что ударопрочное стекло грозило вот-вот треснуть. – Ты уже не тот мальчишка, который на лету срезал волоски с брюшка алиерийской моли... Но

твои глаза остались те же, и вот эта рыжая шевелюра... не так много найдется *людей* с таким цветом волос при наличии прочих примет.

Вторым «но» было то, что не только этот звездопроходец узнал знакомое лицо, но и сам он тоже. Время меняет людей, но глубокий космос обладает странным свойством – он как бы консервирует тех, кто много времени проводит среди звезд. И любой звездопроходец знает о существовании так называемого Я-эффекта, когда время на борту корабля и вне его начинает течь в разные стороны и с разной скоростью. Единственной планетой, где Я-эффект не ограничен в пространстве, является Старая Земля, существующая, благодаря частым посещениям ее пришельцами, в своеобразном временном лабиринте.

Шоррен внимательно смотрел на свою пустую кружку из-под пива и отчаянно желал ее в кого-нибудь запустить. Жаль только, что кружка была одна, а целей много.

Тяжелая рука легла на плечо:

– Я чертовски рад встрече с тобой, Малыш Шоррен, Рыжик Шоррен, Лучик Шоррен... – звездопроходец называл имена и прозвища, под которыми парень был известен среди пиратов. – Клянусь кишками Странников*, это здорово, что ты остался жив и на свободе. Каким звездным ветром тебя занесло в эту гавань?

(*Странники – газо-пылевые образования, время от времени попадающиеся на пути космических кораблей. Напо-

минают шар с тянущимся за ним тонким «хвостом» и огромным полупрозрачным крыловидным парусом. Чаще всего летают поодиночке, но встречаются и группами по двое-трое. Некоторые звездoproходцы считают, что это – внепланетная форма жизни. Питаются, скорее всего, энергией звезд. Больше о них не известно ничего. Прим. авт.)

– Да погоди ты, – остановил его один из молодых, не принимавший участия в разговоре, – что перед ним распинаться? Да тот ли самый этот Как-Бишь-Его-Там-Шоррен?

– Тот, – говоривший ловко схватил парня за запястье, перевернул ладонью вверх. Поперек линий шла тонкая линия разреза. Шрам давно зажил, но в том месте, где он пересекал все эти Линии Жизни, Линии Ума, Линии Сердца и прочую хиромантическую дребедень, остались белесые утолщения, которые легко можно прощупать, проведя по ним пальцем.

– Вот здесь ему распороли руку до самой кости, а он не пикнул, продолжая делать свое дело, как ни в чем не бывало, – пояснил говоривший. – Док хотел залить порез коллоидом, но малыш Шоррен отказался и...

– Не называй меня малышом, – негромко буркнул тот, отводя взгляд. Желание врезать кому-нибудь выросло настолько, что даже смотреть на людей из своего прошлого было невыносимо.

– А как тогда звать? Рыжиком? Это бесило тебя еще больше...

– Теперь я курсант Шоррен Ганн, – выдавил он.

– Курсаа-ант? – собеседники только сейчас, кажется, рассмотрели его форменную куртку и нашивки на ней. – Демонны раздери, а я-то думал, ты это нарочно, для отвода глаз?

– Ты слишком много думаешь, Мирк, – огрызнулся старший. – Вредно для здоровья, знаешь ли... Что, правда, курсант? Не брешешь?

– Нет, сержант, – Шоррен решил и в упор взглянул на собеседника.

– Ха! – серо-багровое с оливковыми пятнами на щеках – сержант был из другого мира, отличаясь от прочих цветом кожи и формой носа. – Не у тебя одного в жизни большие перемены. Называй меня капитаном, курсант Шоррен Ганн. Капитан... хм... – он понизил голос и произнес одними губами, слегка повернув голову так, чтобы наверняка избежать зоркого взгляда камеры: – Капитан Бодяга. Слыхал?

– Нет, – Шоррен выдержал его взгляд. – Откуда?

– Оно и видно. Где ты пропадал все это время? Мы думали, тебя на рудники загнали...

Шоррен качнул головой. Рассказывать про Гудзон не хотелось. Ему тогда крупно повезло. Многие его сокамерники испугались самого словосочетания «валить лес», поскольку для большинства непонятным было именно второе слово. Он согласился просто потому, что заколебались остальные.

– Мне удалось ускользнуть...

– И, видимо, удачно? На кого учишься? Десантура или...

– Интергалакпол.

Шоррен чуть ли не по слогам выговорил это слово и внутренне сжался, загадав – если собеседники отшатнутся от него, испугаются или разозлятся, значит, от прошлого действительно можно убежать, скрыться, порвав все связи. И тогда ему ничего не остается, как принять свою судьбу и доказать...

Замешательство длилось недолго. Потом бывший сержант, а теперь капитан Бодяга – кстати, когда-то вместе со званием сержанта он носил другое имя, Дюк, – натянуто рассмеялся и хлопнул парня по плечу.

– Удивил! – воскликнул он. – Право слово, удивил! А я-то думал, что меня уже ничего удивить не в состоянии... Ты молодец, Шоррен! Ловко устроился. Я даже не буду спрашивать, как тебе это удалось!

– А я не буду рассказывать, – в тон ответил тот.

– И правильно сделаешь, – в разговор включился Мирк. – Жизнь – такая штука... сам знаешь... Но встречу надо отметить! Ты как?

– Жетоны кончились, – повторил Шоррен. – И я все равно собирался уходить. У меня увольнительное заканчивается через три часа...

– Да, – Мирк подмигнул остальным, – увольнительное – это святое, тем более в полиции. Небось, по струночке ходишь, дышишь через раз, чтоб подольше продержаться... сколько ты уже там? – он кивнул на нашивки курсанта.

– Почти семь месяцев. Первого числа будет как раз ровно

семь...

– Понятно. А когда тут первое число**?

(** На каждой планете свой календарь и свое время, так что звездопроходцы давно уже различают время планетарное, время местное и время звездное. Прим.авт.)

– Через трое... почти через четверо суток...

И эту дату он, скорее всего, встретит на гауптвахте. В лучшем случае. А в худшем – в камере предварительного заключения, ожидая рассмотрения своего дела и вынесения приговора.

– Понятно. А выпуск когда?

– Еще через три месяца...

– Долговато ждать, – Мирк переглянулся с остальными, задержал взгляд на капитане, и тот ответил кивком. Шоррен заметил этот обмен взглядами, прекрасно понял его значение и затосковал. Прошлое, от которого он стремился убежать, от которого рвался, напрягая все силы, внезапно и подло атаковало сбоку, выскочив из засады. Он ощутил себя зверем, обложенным охотниками во время облавы. На Гудзоне случалось охотиться на мелких травоядных ящеров, названных гудозаврами. Объединившись с соседними бригадами, они гнали небольшое стадо в ловушку и потом методично избивали попавших в нее животных. Сейчас он чувствовал одним таким гудозавром, усталым, загнанным, напуганным...

И разозленным. А когда гудозавр злится, он перестает быть мирным травоядным и превращается в машину для

убийств.

Глава 1.

Карла опоздала на работу. Такое с нею случалось иногда, по понедельникам. Но понедельник, как известно, день тяжелый и не важно, где ты работаешь – пилотируешь космические корабли, сидишь с ребенком в декретном отпуске, сражаешься за независимость некоей планеты в одной весьма отдаленной галактике или честно трудишься в бухгалтерии. Поэтому на понедельничные опоздания сотрудников начальство смотрело сквозь пальцы – оно само приползло на рабочее место хорошо, если через два часа после начала рабочего дня. И предпочитало наказывать не лишением премий, а предложением задержаться сверхурочно. В пятницу.

Но сегодня Карле было не до того. Пусть хоть до субботы на работе оставляют – эти выходные того стоили. Она была слишком счастлива, чтобы переживать, и буквально влетела в офис, помахав рукой:

– Всем привет! Я люблю вас, девочки... Ну, еще и мальчики! – послала воздушный поцелуй и рухнула в кресло, раскрутив его и задрав ноги. – Йу-ху-у! – после чего распласталась на сидении, разбросав руки и блаженно вздыхая.

Контора имела нерабочий вид. Из шести компьютеров работали только три, в углу у кофейного автомата выстроилась целая батарея кружек и несколько тарелочек с печеньями, а добрая половина бухгалтеров сгрудилась возле одного из

столиков, обсуждая мелькавшие на экране фотографии.

– Прелесть! – слышались короткие замечания. – Этот пирсинг просто прелесть. Я хочу себе такой же. Только чтобы колечки, а не вот эти цепочки... А переползающая тату... Нет, уж если такое делать, то только на губах... А брови! Синтетикой их уже лет сто не наращивают. Сейчас в моде металлизированные нити!

Карла блаженно улыбалась, слушая болтовню коллег. Пусть себе говорят. Пусть чешут языками! Ее грела и пьянила собственная тайна. Хотелось летать и петь. Она даже пожалела, что сбросила у порога свои флаетены – сандалии на воздушной подушке с антигравом.

– Карла? – соседка справа, наконец-то, заметила, что с нею что-то не так, и сдвинула на лоб виртуальные очки. – Что с тобой?

– Ах, Манна, не спрашивай! Тебе не понять...

– Где уж мне, – Манна действительно была девушкой ответственной, без чувства юмора, но зато кто поможет с работой, как не она. Всего-то и делов, что перетерпеть пятиминутный монолог на одну и ту же тему: «Когда же вы все поймете, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на глупости?» – после чего рабочая лошадка Манна отправится пахать, а ты с легким сердцем упорхнешь по своим «глупым» делам. Но ссориться с «рабочей лошадкой» смысла не имело – неизвестно, как повернется дело и в каком настроении пребывает начальство.

– Не обижайся, Манна, – Карла выпрямилась, поерзала на сидении, устраиваясь поудобнее, – но ты действительно... долго объяснять!

– А ты попробуй! – с усмешкой предложила та и слегка поправила на носу виртуальные очки, чтобы хоть краем глаза продолжать просматривать в инфранете биржевые сводки. За полтора выходных ситуация на рынке ценных бумаг могла поменяться кардинальным образом, что обязательно должно было сказаться на работе их конторы. Новости светской хроники и всевозможные пикантные подробности частной жизни сильных мира сего тоже не стоит сбрасывать со счетов. Скажем, внезапно заболела любимая собачка генерального директора концерна «Наутилиус», а это значит, что гендиректор может впасть в апатию и перестанет контролировать работу концерна. Это негативным образом скажется на качестве продукции, в результате меньше народа станет покупать технику «Наутилиуса», а если упадут продажи, то и акции предприятия тоже поползут вниз. А их контора как раз недавно заключила договор на поставку бытовой техники с одним из филиалов «Наутилиуса». Значит, в случае чего надо либо продлять договор, либо скорее искать других поставщиков. Да и клиенты бухгалтерской фирмы тоже зависимы от «Нау...» В общем, целый отдел аналитиков занимался подобными прогнозами, тормошил скандально известных журналистов, просматривал блоги в инфранете, слушал, смотрел и запоминал. Манна делала практически то же

самое, но из любви к искусству. И ее в большей степени интересовали операции с ценными бумагами, чем с недвижимостью и программным обеспечением. При этом она как-то ухитрялась вовремя сдавать отчеты и заполнять многочисленные анкеты, так что ее странность только приветствовали.

Карла посмотрела на свой рабочий стол, вздохнула. Настроение было мечтательное.

– Манна, это были самые лучшие выходные в моей жизни!

– Ты куда-то летала? – подала голос Галла Пик, соседка слева, вечно суетливая дамочка неопределенного возраста. Она была одержима манией узнать все, считала, что лучшие годы остались позади, и отчаянно спешила наверстать упущенное. – Что видела? Где побывала? Какие впечатления?

– Ах, девочки, – Карла буквально растеклась по столу, включила компьютер и уставилась на заставку. – Я влюбилась.

– Что? Опять?

Влюбчивость Карлы была в конторе притчей в языцах. За два года такое с нею случалось уже семь раз. Этот был восьмым, не считая «всякой ничего не значащей мелочи», которой она предавалась в старших классах школы и во время прохождения учебы и стажировки.

– Ах, девочки, на сей раз все серьезно! Он самый лучший мужчина в мире. Я его просто обож-жаю! – она молитвенно сложила руки, уставившись взглядом в потолок. – И у нас

все серьезно... Во всяком случае, с моей стороны. Я нашла, наконец, своего единственного и неповторимого. Это на всю жизнь. Как вспышка! Как гром! Как озарение! Я словно стогрела и ожила опять...

– Из-за этого ты и опоздала? – прозорливо предположила Минна.

– Да. Я проспала... из-за моего звездного рыцаря! – Карла испустила вздох.

– Ого! – Галла подвинулась ближе. – Расскажи подробно. Как вы познакомились? Где? Когда? Это было ваше первое свидание? Вы уже переспали... хотя, что это я... конечно, вы переспали, раз ты проспала... наверное, до самого рассвета предавались страсти? Я угадала?

– Ой, Галла, какой смысл рассказывать, если ты уже все выложила? – скривилась Минна. – Наверняка, все было совсем не так!

– Конечно, не так, девочки! – обиделась Карла. – Вечно вы, Галла Пик, придумываете то, чего на самом деле не было. Мой любимый – настоящий звездный рыцарь. Он не стал бы... настаивать на своем.

– Значит, ничего не было? Смотри, упустишь свой шанс!

– Пока не было! – наставительно подняла палец Карла. – Но все будет. И ночи бурной страсти, и прогулки под луной, и цветы... и нежные признания... Потом. Когда мы поженимся и...

Что она хотела еще сказать, осталось тайной – последние

слова потонули в истошных женских воплях.

– Карла! Карлочка! Карлайла! – заверещали все в бухгалтерии, кидаясь к ее столу. – Это правда? С ума сойти! Вот это новость! Ужас! Я вне себя!

Ее тормошили, обнимали, целовали, поживали руки, дружески щекотали и щипали, выражая восторг. Порыв буйного веселья был таким неистовым, что появление на пороге начальника отдела сначала осталось незамеченным. Несколько секунд высокий андрогин стоял, ожидая паузы в криках и смехе, а потом рывкнул басом, совершенно не подходящим к его хрупкому сложению:

– Тих-ха!

– Ой...

Все аж присели. Растрепанная Карла покраснела от смущения.

– Что за галдеж? Вас аж на пятом этаже слышно! – пророкотал начальник, проплывая мимо. – Почему шумим в разгар рабочего дня?

– Да вот, господин Ороро, – Галла Пик была его заместителем и в подобных случаях брала удар на себя, – у нас новость. Карлайла Хоккенен замуж выходит.

Обычно Карла терпеть не могла, когда ее называли полным именем, но сейчас ради такого случая можно было и потерпеть. Она мило улыbnулась и помахала ладошкой.

– Вот как, – господин Ороро тоже изобразил что-то вроде улыбки. – В таком случае, поздравляю. И кто ваш избран-

ник?

– Он... его зовут Гурий Хват, – промолвила девушка. – Он – звездный рыцарь и капитан вселенских трасс. На своем корабле «Стремительный» он бороздит просторы Галактики, сражаясь с пиратами, космическими монстрами и преодолевая тысячи преград, дабы достигнуть своей цели!

– Цели? Какая же у него цель?

– Ну... установление мира и гармонии во Вселенной, искоренение зла и восстановление поруганной справедливости. Он – защитник всех обиженных и угнетенных. На него молятся на двухсот сорока семи планетах, а на тридцати четырех его официально обожествовали.

– Вот как, – андрогин Ороро и сам был не чужд фантазии, но настолько далеко она не распространялась. – И вы уверены, что все это – правда?

– Разумеется! – вздернула подбородок Карла. – Я сама прочла об этом в книге.

– Вы... простите, вы что? Вы это...*прочли*?

– Да. А что такого? Это был роман. Самый потрясающий роман, который я когда-либо читала о любви, предательстве и преданности! – воскликнула девушка.

– Роман, – Ороро включил свой компьютер. – Вы прочли роман. Так?

– Ну да.

– Книгу, – он вошел в инфранет.

– Конечно.

– Как она называлась?

– «Я, звездный рыцарь...» – отчеканила уязвленная девушка. – На конце три точки.

– Понял.

Тонкие длинные пальцы Ороро порхали по клавишам с завидной легкостью. Не прошло и десяти секунд, как он откинулся на спинку стула и рассмеялся:

– Что и требовалось доказать! Вот этот роман, Карлайла?

Он развернул экран в сторону сотрудниц, и те увидели развернутую на половину экрана яркую картинку, на которой был изображен затянутый во все белое красивый юноша с бластером в одной руке и мечом в другой. Правой ногой, обутой в высокий сапог со шпорами, он попирал грудь каких-то уродцев в скафандрах, сбоку к нему льнула длинноволосая девица, одеяние которой ограничивалось многочисленными браслетами на руках и ногах и полупрозрачной тряпочкой, свисающей между бедер. Над картинкой красовалась надпись «Бриллиантина Перламутровая представляет...», а внизу, частично загораживая чудовищ, переливалось всеми цветами радуги название «Я, звездный рыцарь...»

– Ну, да, – пожала плечами Карла, отвечая на недоуменные взгляды со всех сторон. – Я каждую пятницу скачиваю себе новый роман. Обычно мне хватает на неделю, до следующей пятницы, но этот... он просто божественен! – девушка молитвенно сложила руки и потянулась к юноше на экра-

не. – Я просто не могла оторваться. Читала и читала, перечитывала и перечитывала... Всю пятницу, субботу и почти все воскресенье... Глаз не смыкала, пока не прочла три раза подряд... И я влюбилась.

– В книжного героя?

– Ну и что? Если бы вы знали, какой он... необыкновенный! – Карла не удержалась и послала изображению воздушный поцелуй. – Он именно такой, о каком я всегда мечтала. И мы обязательно поженимся.

– С книжным героем? Но он же... э-э... вымышленный персонаж! Бриллиантина Перламутровая раз в неделю выдает новый роман. И влюбляться в каждого...

– Гурий Хват, рыцарь Звезды, далеко не каждый! – воскликнула девушка.

– Но он вымышленный персонаж!

– А мне наплевать! – непробиваемое равнодушие Ороро расстроило Карлу. – Плевать! Я все равно его люблю и хочу за него замуж!

Она была так расстроена непробиваемым равнодушием коллег, что демонстративно отвернулась, забившись в свой уголок и достав планшет, куда был закачан файл романа. Осторожно развернула обложку в трехмерном формате и, вздыхая, уставилась на затянутую в белоснежный скафо-до-спех фигуру главного героя. С двенадцати лет, с тех пор, как прочла первый в жизни любовный роман, девушка мечтала о необыкновенной любви. С тех пор миновала почти дюжи-

на лет, и Карла каждый новый день встречала с мыслью о том, что сегодня случится *то самое*. Она верила в чудо с той непоколебимой уверенностью, которая в глазах остальных граничит с сумасшествием, и сумела заразить этим чувством своих родителей. Те согласились выделить дочке отдельный жилой модуль, потому как негоже привести Прекрасного Принца в их общий дом.

И вот теперь, когда мечта наконец-то обрела имя, фамилию, биографию и внешность, в нее никто не верит! А ведь это реальный человек. Великая и неподражаемая Бриллиантина Перламутровая так красочно описывает своих героев, что любому ясно – она всякий раз рисует портрет конкретного человека.

Карла все еще вздыхала над чудовищной несправедливостью жизни, когда хлопнула входная дверь. Рабочий день в бухгалтерской фирме тем временем шел своим чередом. Люди понемногу погружались в работу, вокруг царил деловая атмосфера – кто-то корпел над отчетами, кто-то над аналитическими таблицами, кто-то проверял и перепроверял ведомости, кто-то подводил баланс, а кто-то получал и отправлял письма. Несколько раз заглядывали соседи – уточнить, пришел ли файл с распечаткой, не зависает ли новая программа и кому на рабочий стол скинули ту папку с типовыми декларациями. Большинство этих вопросов можно было решить простым звонком, но бухгалтера и аналитики тоже люди, им тоже охота размять ноги и поболтать ни о чем.

– Привет! – коллега-аналитик прошла сразу к столу Минны и завела беседу оттуда. – А вы не в курсе, что случилось с Родиком?

Родик был одним из немногих мужчин, который каким-то образом прижился в бухгалтерском бюро. Он оказался талантливым программистом и мог буквально с того света вытащить любую случайно удалившуюся программу и реанимировать любой файл, не говоря уже о том, что вылавливал вирусы буквально на лету.

– А что с ним такое? – заинтересовалась Галла Пик.

– Вы его сегодня еще не видели?

– Нет, а что?

– А то, что он почему-то удалил волосы в ушах, перекрасил брови в сиреневый цвет, сменил диоптрий на своих контактных линзах и сейчас сидит в уборной, рыдает и красит ногти в оранжевый цвет.

Бухгалтерши так и подскочили. Вот это новость так новость!

– Влюбился, – не отрываясь от своих таблиц, категоричным тоном заявила Минна. – Как пить дать. Или в него влюбились и дали это понять.

– Влюбился? – переспросила коллега-аналитик. – А в кого?

– В кого-то не из наших, это точно. Насколько я знаю, во всем нашем бюро нет никого во вкусе Родика. Ты же его знаешь!

Против воли прислушивавшаяся к разговору Карла так и подскочила. Вот с кем ей надо поговорить! Вот кому надо излить душу! Родик хоть и со странностями, но если он тоже влюблен, легче поймет родственную душу. Она засуетилась. Спрятала планшет под блузкой и отпросилась в уборную, сделав многозначительное лицо. «Тоже рыдать побежала!» – проводили ее понимающими взглядами.

Родик действительно обнаружился в уборной, уютно устроившись на широком подоконнике с ногами. На руках ногти он уже покрасил и даже приклепнул на них наклейки, и теперь занимался ногтями на ногах. Заметив Карлу, он проворно спустил ноги на пол.

– Уф... Это ты... Тебе чего тут надо?

Последний вопрос прозвучал мягко – уборная была мужская.

– Я тут прячусь. – Карла уселась на подоконник рядом. – От наших девчонок. Тут они меня точно искать не станут.

– А что? – Родик поелозил, устраиваясь поудобнее, – ты им чем-то насолила?

– Не я им. Они – мне, – девушка вздохнула.

– А что случилось?

– Я влюбилась.

– Ого! Забавно. Я... кхм, – парень покраснел, что было заметно сквозь макияж. – Ну... это... ладно, проехали. Значит, ты влюбилась, а они...

– Они считают, что у меня нет шансов. Совсем!

– Он тебя не любит?

– Он... еще об этом не знает, – помявшись, сообщила Карла.

– То есть, твое чувство безответно?

– Пока – да. Но стоит мне ему открыться, как он сразу в меня влюбится. Понимаешь, Родик, это судьба! Мы предназначены друг для друга. Я сразу поняла, как только его увидела. Именно о таком я всю жизнь мечтала. Именно такого искала в своих прежних знакомых. Искала – и вот нашла. И не намерена выпустить свою судьбу из рук, кто бы что ни говорил!

– Понятно, – закивал парень. – А твои в этом сомневаются. Почему?

– Потому, что, – Карла прикусила губу, не зная, следует ли вываливать на собеседника сразу всю подноготную. – Потому что он... вот... смотри!

Открыла планшет, активировала обложку романа «Я, звездный рыцарь...»

– Ого! – только и вымолвил Родик.

– Правда, он у меня красивый? – ревниво поинтересовалась девушка.

Парень смерил взглядом картинку, потом покосился на собеседницу. Снова посмотрел на картинку и второй раз перевел взгляд на девушку, словно пытаясь, вопреки всем известной головоломке, найти не пять отличий, а пять одинаковых черт. Даже чуть-чуть повернул планшет, чтобы по-

смотреть на изображение главного героя под другим углом.

– Его зовут Гурий Хват, – поведала Карла. – Бриллиантина Перламутровая пишет, что Хватом его прозвали за то, что он изо всех сил хватался за что угодно... если надо было совершить подвиг или отправиться в опасное приключение! И уж если за что ухватится, то никогда не выпустит.

– Ясно. Только ты...

– Только ты не говори, что раз он вымышленный персонаж, то у меня с ним ничего не получится, – перебила его девушка. – Я все равно хочу за него замуж. И я за него замуж выйду, так и знай!

– Я... хм... немного не о том, – замялся Родик. – Я, знаешь, не сомневаюсь, что он реален и все такое. И что вы встретитесь, тоже как бы не сомневаюсь. Но вот что он в тебя влюбится... хм... извини...

Он покаянно развел руками.

– И ты туда же! – чуть не взвыла Карла. – Но почему?

– Ты... м-м... не обижайся только, но ты... – Родик кусал губы, краснел, бледнел и даже синел, мучительно подбирая слова, – ты как бы ему не подходишь... внешне.

– Чего?

– Ну, ты это... на себя посмотри. Ты ж обыкновенная. И даже где-то некрасивая... Эти твои брови... сейчас такую форму уже никто не носит. И пирсинг... нос уже давно никто не прокалывает, это не в тренде. Сейчас модно прокалывать щеки и подбородок. Вот как у меня тут, – он задрал под-

бородок, демонстрируя двойной ряд колечек, болтавшийся вдоль овала лица. – Форму и размер можно менять. Совсем как настоящая борода получается. Только ее не надо брить и причесывать. Круто, правда?

– Ты... предлагаешь мне тоже приделать себе бороду-пирсинг?

– А что? Это будет интересно. И тогда твой парень обязательно обратит на тебя внимание. А еще... вот только не обижайся, тебе надо всерьез заняться собой. Твоя фигура... цвет лица и волос... Я бы еще и пластическую операцию сделал – форму носа изменил и глаза переделал! – но, как я понимаю, это не подходит? Слишком долго и дорого?

– Да...

– Тогда хотя бы перекрасься. Брови можно завить и в малиновый цвет, ресницы – в махагоновый, а волосы – прядями. Янтарь и черный жемчуг. Будет отпадно. Или зеленое и янтарь – тоже модно в этом сезоне. Я знаю знакомого визажиста. Он тебе за полчаса такой причесок заделает – мама родная не узнает, зато твой рыцарь сразу влюбится. А с такими волосами и пирсингом в носу... извини, ты страшенькая. А ему красавица нужна. Чтоб от одного вида твоего упал. К твоим ногам, разумеется!

Карла покосилась по сторонам. Зеркал в мужской уборной не имелось, пришлось смотреться в карманное зеркальце, одолженное тем же Родиком. Да, приходится признать, что он прав. Брови зеленого цвета уже не в моде. А вот ес-

ли они будут... нет, не малиновыми, а хотя бы оранжевыми в полосочку... И прическу не мешает изменить. Скажем, не покрасить, а остричь волосы прядями – одна длинная, другая срезана у самой макушки. А что? Недавно у рок-звезды она видела похожую прическу. Должно сработать.

– Адресок знакомого визажиста не подскажешь?

Дружеское участие – хотя, надо признать, поначалу глота досада и злость на бестактного коллегу! – а также визит к мастеру визажа и макияжа сделали свое дело. Карла вернулась к себе в жилой модуль преображенная. Еще по дороге домой, на монорельсе и при пересадках она ловила на себе заинтересованные и просто любопытные взгляды и гордо вскидывала голову. Еще бы! Волосы ее были пострижены именно так, как и мечталось, неровными прядями, уложенными гелем и лаком и зафиксированными в якобы небрежном, но тонко продуманном беспорядке. Да и лицо претерпело изменения. Карла нарочно не внимательно рассматривала себя в кабинете визажиста, приберегая эмоции для домашнего просмотра. Сначала поглядим, как на нее реагируют окружающие, а уж потом будем оценивать себя сами. В конце концов, мы все и всегда делаем для других, и этим счастливы.

Вот и Карла мысленно отметила шесть заинтересованных взглядов от мужчин и четырнадцать – от женщин. Не все были восторженными, но да ничего. Визажист честно преду-

предил, что это – экспериментальная модель, что новая коллекция высокой моды будет представлена только через полтора месяца, и уж тогда на подиум выйдет почти четыре десятка моделей мужчин, женщин и подростков, демонстрируя моду сезона. У всех них будет сходный с ее типом макияж, и уж тогда-то публика оценит новаторское решение. А она, Карла, станет первой ласточкой. Да, поначалу будет трудно, но все новое рождается в муках.

Девушка влетела в свой модуль, как на крыльях. Свои флаертены, туфельки на летающей подошве, она нарочно оставила в офисе, чтобы «слиться с народом», а когда паришь на флаертенах над головами людей или на большой скорости скользишь мимо, едва касаясь каблучками мостовой, тебя никто не успеет рассмотреть. На дорогу пришлось потратить лишние четверть часа, но оно того стоило. Ее заметили.

Задержав дыхание, она встала перед зеркалом. Зажмурилась, словно ребенок и, решившись, распахнула глаза.

Ресницы стали толще и длиннее, завитые спиральками. На каждой сидела миниатюрная насадка с подсветкой, из-за чего казалось, что они похожи на старинные булавки. Чтобы удержать потяжелевшие веки, визажист слегка натянул ей кожу на висках, так что изменился и разрез глаз. Они удлинились и казались прищуренными. Брови, как тот и обещал, теперь были оранжевыми в черную полосочку, но нежные, приглушенных тонов и такие пушистые, что казалось, будто

на лоб девушки присели два шершня. В сочетании с серо-зелеными глазами девушки эффект получался оригинальный. Пирсинг из носа, увы, визажист убрал, а дырочки декорировал стразами и татуировкой. Зато добавились три очаровательных колечка на нижней губе. В каждое был вставлен бубенчик, и они слегка звенели, когда девушка разговаривала. Очень мило и эффектно. Главное, так научиться шевелить губами, чтобы звон получался как бы эхом ее слов.

Прическа наполовину скрывала уши, но было заметно, что визажист их удлинил с помощью кожаных насадок, и вот тут-то пирсинга было больше, чем достаточно. Присмотревшись, Карла заметила, что многие колечки играют двойную роль – они, во-первых, скрепляли обе половинки ушей, а во-вторых, на них можно было подвешивать разные аксессуары – от простых сережек до миниатюрных аквариумов и даже музыкальных центров и многочисленных гаджетов. Чудесно! Просто и оригинально!

«Я могу стать супершпионкой, – подумала девушка. – С этими ушами... Если что, можно сказать, что это не записывающая аппаратура и не взрывное устройство, а просто украшения. И, пойдя, догадайся!»

Ну, прическа была отдельной историей. На макушке пряди были местами срезаны так коротко, что сквозь колючий ежик волос виднелась кожа. Оголенные участки были расписаны узорами. Чем ближе к затылку, тем пряди становились длиннее и соединялись между собой тонкими нитями, об-

разуя что-то вроде старинного кружева. Никаких колокольчиков или подвесок-украшений не было, но, осмотрев сложное плетение, Карла нашла несколько подходящих петелек, на которые можно было их повесить. Тогда прическа будет звенеть в такт ее шагам. Просто и оригинально.

«Этот парень сотворил настоящее чудо! – подумала девушка. – Я совершенно преобразилась!» В самом деле, от ее обыкновенности не осталось и следа. Теперь она была оригинальной, уникальной, единственной в мире. И Гурий Хват, Рыцарь Звезды, не мог не оценить ее нового облика. Карла торопливо разделась, оставшись только в нижнем белье. Увы, фигурка не так идеальна, как лицо. Но здесь тремя часами работы не ограничиться. Тут нужны длительные преобразования. Однако что-то можно исправить с помощью умело подобранной одежды, а что-то – боди-артом и даже тату.

– Ты у меня будешь идеальной, – сказала девушка своему отражению в зеркале. – Я сделаю из тебя героиню, достойную Звездного Рыцаря!

Мысли о возлюбленном дали новый толчок ее идеям. Карла кинулась к планшету, вышла в инфранет. На ее кредитке после визита к визажисту оставалось совсем мало средств, но девушка решительно взяла ссуду в банке и отправилась на сайт покупок. Кинула эскиз заказа, обозначила сроки и примерную цену и стала ждать. На сайте покупок постоянно крутятся потенциальные продавцы и покупатели, предлагая обменять товары на деньги. Любой товар мог быть изготов-

лен на заказ и всегда в единственном экземпляре. Было же желание.

Минут пятнадцать спустя поступил сигнал – кто-то из потенциальных клиентов обратил внимание на эскиз с пометкой «Ищу срочно». Да, у него есть похожий набор браслетов и ожерелье к ним. Да, подобрать к ним набедренную цепочку и повязку – дело нескольких часов. Заменить в комплекте камни с небесно-голубых на изумрудно-зеленые? Не вопрос! Любой каприз за ваши деньги!

Обрадованная столь быстрым и легким решением проблемы, Карла заключила договор и попутно заказала утягивающий корсет с накладками для пышного бюста и записалась на операцию по увеличению формы груди. Не пройдет и трех суток, как она станет похожа на ту блондинку с обложки любимой книги во всем, кроме черт лица.

Пронзительный трезвон вырвал девушку из сладких мечтаний. Сначала она испугалась, но потом вспомнила, что сама выставила будильник. Начинался вечерний чат. Всего один час в сутки великая и неподражаемая Бриллиантина Перламутровая была доступна он-лайн для своих восторженных поклонниц. Почитательницы ее таланта выходили на связь, обменивались мнениями о прочитанных книгах и могли задать своему кумиру любой вопрос. Правда, вероятность того, что он будет услышан, ничтожно мала – за час к Бриллиантине Перламутровой поступало несколько миллионов звонков со всех концов Галактики, но даже с помощью

трех секретарей она успевала ответить от силы на сто. Поэтому на сайте заранее вывешивался список вопросов, которые уже были заданы ранее, дабы читательницы не повторялись. Кроме того, задавалась тема обсуждения – тоже чтобы поэту не тратить время даром.

Естественно, сегодняшняя тема была посвящена новой книге. Обсуждали личность главного героя – кто он, каков он, откуда взялся этот образ, кто реальный прототип, что он любит на завтрак, какую музыку предпочитает, какого цвета его нижнее белье, есть ли у него домашнее животное, в каких позах предпочитает заниматься сексом и так далее. Карла пробежала глазами список вопросов, отметила галочками те, ответы на которые ее занимали, и с неудовольствием поняла, что почти все вопросы, какие она собиралась задать, уже были заданы другими. Что ж, так даже лучше. Можно не сосредоточиться только на своем вопросе, а отслеживать всю дискуссию. Вот только вклиниться с уточнениями и дополнениями нельзя.

Пока она напряженно думала, какой бы задать вопрос – его еще должны просмотреть модераторы! – дискуссия началась, и девушка упустила свой шанс. Кто не успел, тот опоздал и вынужден довольствоваться ролью пассивных зрителей. Ладно, не всегда же ей будет везти! Еще трое суток у нее есть. Потом в чате начнут обсуждать новую книгу Бриллиантины Перламутровой, а про Звездного Рыцаря забудут.

Взгляд девушки заскользил по экрану. После обычных

приветствий и обмена любезностями автор шедевра приступила к ответам.

Вопрос: «Кто такой Гурий Хват?»

Ответ: «Звездный рыцарь».

Вопрос: «Он сражается со злом?»

Ответ: «Вопрос не одобрен модераторами. Зайдите и повторите позже»

Вопрос: «Откуда взялся этот образ?»

Ответ: «Он родился спонтанно, когда Поэт испытал сильнейшее потрясение в жизни. Из тьмы и безнадежности явился герой в сияющих доспехах и всех спас!»

Вопрос: «Вы подвергались опасности?»

Ответ: «Вопрос не корректен. Переформулируйте его и зайдите позже».

Вопрос: «У Звездного Рыцаря есть реальный прототип?»

Ответ: «Да».

Вопрос: «Кто он?»

Ответ: «Мужчина. Молодой. Красивый, пылкий, благородный».

Вопрос: «Как его зовут?»

Ответ: «Вопрос некорректен. Идите и прочитайте книгу прежде, чем задавать Поэту подобные вопросы!»

Карла даже подпрыгнула на стуле. Действительно, что за верх наглости? Явиться на он-лайн встречу с автором шедевра и не потрудиться ознакомиться с книгой? Или корреспондент просто невнимательно читал? Сбоку в окошечке выска-

чила ссылка для подобных подписчиков – мол, если вы не в курсе последних новинок литературы, с ними можно ознакомиться по этому адресу. При этом девушка невольно отвлеклась на объявление, а когда снова посмотрела на экран, там горела новая надпись. Судя по всему, автор не корректного вопроса решил задать его иначе.

Вопрос: «Звездный рыцарь спас вашу жизнь? Когда и при каких обстоятельствах это произошло?»

Карла завизжала от злости и досады и, нарушив правило, сломя голову кинулась в обсуждения.

«Ты, – напечатала она, – Как-Там-Тебя-Зовут-Не-Важно! Да как ты смеешь задавать великому Поэту такие идиотские вопросы? Проверь свою голову на наличие мозгов! А если ума не хватает, могу скинуть пару телефончиков службы поддержки таких, как ты. И даже сама к тебе бригаду вызову, чтоб препроводили в такие места, откуда ты никого не сможешь доставать! Бот фальшивый! Дешевка необразованная! Ты вообще читать-то хоть умеешь или текст набираешь случайным образом, а фразы потом доводит до ума автокорректор? Ты вообще живое существо? Иди, проверься!»

Как ни странно, но модераторы пропустили ее отповедь, не моргнув курсором. На несколько удивительно долгих секунд в чате повисла тишина, а потом...

«Столь яростный отпор да не минет награда. Кто ты, любезное дитя? Что тебе надо?»

Девушка невольно схватилась за сердце. Ей ответила сама

Бриллиантина Перламутровая! Ей! Лично! В приватном чате! Руки у нее дрожали, и пришлось включить автокорректор, чтобы он хотя бы ошибки отслеживал. Но девушка кое-как объяснила, что прочла книгу за трое суток пять раз, ради этого проспала и опоздала на работу, отменила все встречи и планы, а теперь от любви к Гурию Хвату решила полностью изменить свою внешность – лишь бы стать похожей на книжную героиню. И просто мечтает узнать о своем кумире немного больше того, что сказано в книге. Осталось ли что-нибудь за строками романа, то, что не вошло в произведение?

«И что же вас интересует?» – разговор по-прежнему велся на приватной волне, в соседнем окошечке продолжали всплывать вопросы и ответы, которые наверняка за Бриллиантину Перламутровую писали секретари.

«Все! Но я готова довольствоваться малым. Например, имя.»

«Ах, милое дитя! Твоя наивность поражает. Прочешь роман три раза кряду – и полагать, что имени не знает? Его и в жизни так зовут – Гурием Хватом. Я решила увековечить настоящий подвиг и благородство отблагодарить!»

«То есть Гурий Хват СУЩЕСТВУЕТ?» – Карла нарочно выделила последнее слово крупным шрифтом, не зная, как передать обуревавшие ее чувства.

«Ну, разумеется! Глупышка! В Интергалакполе служит этот человек...»

Они еще о чем-то поболтали – память Карлы не сохранила ничего, хотя в другое время она была бы поражена тем, что кумир миллиардов женщин именно с нею так долго ведет личную беседу. Наскоро попрощавшись, девушка кинулась в поисковик.

Работа в аналитическом отделе бухгалтерской конторы сослужила ей хорошую службу. Дабы обладать полнотой информации, порой приходилось не только просматривать официальные сводки, но и искать теневую информацию. Вскрывать секретные сайты, просматривать переписку «совершенно секретно». Через полтора часа поисков Карле улыбнулась удача. Она нашла то самое отделение Интергалактола, к которому был приписан капитан Гурий Хватов (позывной – «Хват»). Двадцать восемь стандартных лет, по службой список – пять лет, из них два года стажировки, два года полета в должности старшего помощника и год – капитана. Марсианин. Не женат. Более подробная информация была засекречена, как и портрет героя романа – вместо него на фотографии красовались черты стандартного фоторобота – гуманоид марсианского типа. Этот портрет был очень похож на рисунок с обложки – сразу видно, что художник решил не особенно напрягать фантазию и просто скопировал картинку с сайта.

Не доверяя памяти, Карла добросовестно скопировала адрес в память планшета и, не удержавшись, погладила лицо на экране.

– Я тебя обязательно найду, – прошептала она. – Жди меня, мой звездный рыцарь!

«Стремительный» задержался на орбите не по своей вине – возвращаясь на базу, крейсер из-за порывов звездного ветра был вынужден несколько отклониться от курса и попал в полосу остаточного радиоизлучения. Поскольку встреча была «запланирована», экипаж успел облачиться в скафандры высокой защиты, пригодные для работы в глубоком космосе и отделался легким авралом, но вот сама обшивка получила свою дозу радиации, так что «Стремительный» ненадолго завис у ремонтников, пока те счищали верхний слой обшивки и упаковывали крейсер в новую «шкурку». Большая часть команды, пройдя стандартную медкомиссию, улетела вперед, на борту оставались сам капитан, дежурный механик, стюард и двое вахтенных. Подчиненным Гурий обещал выписать премию за задержку. Но себе таких поблажек не дал, как и навигатору, который не успел или не захотел вовремя скорректировать курс. Наоборот, подписал приказ о лишении того причитающейся надбавки за риск.

В результате этой задержки Гурий явился в свое отделение почти на четыре дня позже, и еще с порога почувствовал, что во время его отсутствия что-то изменилось. Все встречные тарасили на него глаза с преувеличенным вниманием. Несколько человек подошли, чтобы справиться о его самочувствии. Записной шутник Гром Тор раскланялся, сгиба-

ьясь чуть ли не пополам, а секретарь начальника усмехнулся, принимая файл с документами:

– Много чудовищ победили, капитан? Или, может быть, вернее, рыцарь Звезды?

– Чего? Каких чудовищ?

– Инопланетных, – секретарь сделал страшные глаза.

– Зачем?

– Спасая принцесс. Кстати, сколько их было на самом деле?

– Кого?

– Да принцесс же!

– Я ничего не понимаю, – Гурий оглянулся по сторонам и заметил, что двери из приемной распахнуты настежь и в коридор набилось столько народа, что и слепец бы понял – они явились сюда нарочно и сейчас наслаждаются ролью зрителей.

– Ничего не понимаю, – повторил он. – Не было там никаких принцесс. И монстров не было. Была обычная работа, и я не...

– И правильно, – подхватил секретарь. – Так всем и говорите! Мол, не было ничего! Ничего не было! Героя украшает скромность, не так ли?

– Вы издеваетесь? – дошло до Гурия.

– Нет, – расплылся в улыбке секретарь. – Мы просто завидуем. Не каждому выпадает такая удача – стать героем романа!

– Какого?

– Самого обыкновенного. Литературного!

Сквозь толпу пробилось несколько человек из его экипажа, те, кто сошел с борта «Стремительного» на трое суток раньше. Впереди спешил старпом Ковач.

– Про вас книгу написали, капитан! – еще издавека закричал он. – Настоящую! Она вторую неделю числится в списке бестселлеров мирового уровня! И угадайте, кто это сделал?

– Кто? – послушно спросил Гурий, холодея от недоброго предчувствия.

– Сама Бриллиантина Перламутровая! – Ковач всплеснул руками. – Ну, неужели не помните? На Гудзоне около года тому назад... «Орден Почетного Легиона»... пираты... та старуха со стразами...

Гурий зажмурился, отчаянно молясь, чтобы все это оказалось только сном. Десять месяцев назад он пережил не самые лучшие дни в своей жизни.

... Исчезновение с радаров круизного лайнера «Орден Почетного Легиона» вызвало волну паники. То, что вместе с ним пропал и полицейский крейсер, только усилило беспокойство. Прошло несколько дней прежде, чем был принят сигнал с маяка – внутри разбитого, потерявшего управление и медленно погибающего лайнера оставались живые люди. Вспыхнула надежда и одновременно тревога – слишком много известных личностей летело там, слишком много

финансовых операций могло завершиться крахом, если кто-нибудь из них погибнет. Владельцы акционерных предприятий, ученые, финансисты, политики, кино- и шоу-звезды... Кто из них погиб, а кто остался в живых?

Спасательная экспедиция доставила на Вангею три десятка человек – остальные либо погибли, пока дожидались спасения, либо были похищены пиратами. Вместе с ними улетел и «Стремительный», и на Интергалакпол обрушилась волна народного гнева – мол, теперь стало понятно истинное лицо полиции. Они заодно с пиратами! Краски сгущали рассказы очевидцев – мол, полиция вовсе не пыталась вступить с пиратами в бой, а скромно отсиживалась в сторонке. А затем «Стремительный» вовсе улетел, даже не попытавшись спасти уцелевших, нарушив инструкцию.

Крейсер вернулся на базу, когда первая волна негодования схлынула, крикуны замолчали, и в дело вступили адвокаты и политики. То, что он прилетел не с пустыми руками – привез уцелевших пассажиров, кое-кого из оставшихся в живых пиратов, а также записи «черного ящика» пиратского лайнера «Чудовище», благодаря которым мир узнал правду о событиях на Гудзоне, охладило многие горячие головы. Экипаж даже приставили к награде – и тут же отправили в длительную экспедицию. Так сказать, от греха подальше. Перед отлетом Гурий успел только добиться зачисления в школу полиции бывшего колониста Шоррена. И следующие десять месяцев болтался в глубоком космосе, почти потеряв

связь с большим миром. Тогда он думал, что ему грозит по меньшей мере трибунал.

И вот...

– Роман? – шепотом переспросил он.

– Любовный. В стихах, – сказал Ковач. – Я еще не читал, но моя жена говорит – это просто шедевр. Дадите автограф, кэп?

– И мне! Мне тоже! – тут же накинулись на него все те, кто ждал в коридоре. Протягивали планшеты, стилосы, компьютерные распечатки первых глав романа.

Гурий попятился, и еще неизвестно, чем бы все кончилось, не раздайся в селекторе голос начальника:

– Капитан Хватов? Если вы там уже закончили свою пресс-конференцию, загляните ко мне.

– Сейчас! Бегу! Уже бегу!

Сорвавшись с места, Гурий плечом раздвинул толпу и пулей влетел в кабинет начальника.

Начальник был чем-то занят – вернее, притворялся таковым, потому что тут же отстранил от себя экран ноута, закрывая все многочисленные «окна» и развернулся к вошедшему:

– А вот и он, герой межзвездных трасс! Явился к нам из дальней дали! Давненько мы такого не видали! Сегодня удивит он чем-то нас!

Только привычка к субординации помогла Гурию дослу-

шать этот монолог, произнесенный с пылом артиста театра художественной самодеятельности.

– Господин майор, – оторопел он, – что это такое?

– Это? Не узнаете?

– Простите, не имею чести...

– Это, молодой человек, строки из очередного шедевра главной достопримечательности планеты Вангея, Бриллиантины Перламутровой. Самого великого поэта всех времен и народов, как считает моя жена, – добавил начальник и скривился, как от зубной боли. – Угадайте, как зовут главного героя?

– Э-э...

– Гурий Хват! Рыцарь Звезд! Спаситель невинных, защитник обиженных, униженных и оскорбленных, победитель монстров и прочая, прочая, прочая...

Гурий застонал. Эта Бриллиантина Перламутровая! Она все-таки осуществила свою угрозу! Долго молчала, надо признать. Сказать по правде, Гурий в первые две недели после возвращения с рокового полета заглядывал в инфранет, ожидая, не появится ли на свет очередной роман. Но нет, блистательная Бриллиантина, оправившись от стресса, первым делом кинулась дописывать подвисшие несколько недель тому назад нетленки, срочно сочиняя к ним трагические и возвышенные финалы. Гурий вздохнул было свободно – пронесла нелегкая! – а потом его отправили в срочный рейд куда-то в медвежий угол, где даже ядро кометы было

из ряда вон выходящим событием, и следить за новинками литературы стало некогда. Он был уверен, что старуха про него забыла, но ошибался.

– Великие звезды! Что же будет, – прошептал он.

– Ничего хорошего, я думаю. Вы засветились, капитан Хватов. И серьезно. Теперь ваше имя на слуху. Учитывая бешеную популярность этого романа, вас даже уволить нельзя.

– А вы хотели...

– Скажем так – после той истории с Гудзоном вы были на волосок от увольнения. Столь вопиющее нарушение инструкций... гибель лайнера... колоссальные убытки... Знаете, сколько ценностей было похищено?

– Но ведь мы возвратили почти все...

– Все, да не все. Оказывается, некоторые потерпевшие не рискнули доверить кораблю свои ценности и скрыли их. А, поскольку человеческих жертв избежать не удалось, то спрятанное погибшими достать практически невозможно. Шесть корпораций понесли убытки. Они исчисляются триллионами кредитов. И во всем могли бы обвинить вас.

– Но пираты... Я сделал все, что мог.

– Да, что могли. Но не то, что должны. Мы прикрывали вас, капитан Хват. Прикрывали, как могли. Но всему приходит конец. И этот роман... Он может существенно испортить все дело.

Что-то в тоне начальника подсказало Гурию – речь сейчас пойдет вовсе не о Гудзонском деле. Это, если так можно вы-

разиться, дела давно минувших дней.

– Вы, конечно, помните своего протеже. Этого парня с окраинной планетки... потомка колонистов... как там его... Шоррен Ганн, кажется?

– Да. Что с ним?

– С ним – ничего. Совсем ничего, кроме одного – он исчез.

– Как?

– А вот так. Произошла драка между курсантами. Расследование показало, что в числе зачинщиков был некий Ганс Флегмачек, курсант с того же потока. Что там между ними произошло на самом деле – сказать трудно. Но ваш Шоррен начал драку. Шесть человек пострадали настолько, что были вынуждены обратиться в санчасть и в результате лишились увольнительного. А сам Шоррен исчез. Отправился на прогулку и не вернулся к утренней поверке. И у нас есть все подозрения на то, что он мог податься к «черным» звездопроходцам.

– Этого не может быть! – воскликнул Гурий.

– Увы, инцидент произошел не вчера. Мы успели провести кое-какое расследование. В тот день имели место два совпадения. Во-первых, из сектора 2-фита-446 Омеги Скорпиона пришел ответ на запрос по поводу некоторых уточненных данных биографии курсанта Шоррена Ганна. Никакой он, оказывается, не потомок колонистов с окраинной планетки и тем более никакой не Ганн по фамилии, а один из членов ликвидированной пятнадцать лет назад банды, извест-

ной под названием Ошкурки. Часть Ошкурков перебили, часть арестовали, нескольким удалось скрыться. Ваш «курсант Ганн» был одним из самых молодых членов банды и единственным из арестованных, кто не был приговорен к высшей мере наказания в силу того, что на тот момент являлся несовершеннолетним. Приговор ему был вынесен заочно, в силу он должен был вступить, когда вашему Шоррену...

– Он не мой! – попробовал было возмутиться Гурий.

– Он ваш, поскольку вы за него поручились, капитан Хватов! И вашего Шоррена Ганна должны были... м-м... нейтрализовать по приговору суда, едва ему исполнится восемнадцать лет. Но буквально за пару месяцев до того пришел запрос на большую партию государственных рабов для отправки на Гудзон. Как и почему в ту партию попал приговоренный к высшей мере наказания преступник, еще предстоит выяснить. Возможно, начальнику колонии дали взятку, или ему угрожали. Как бы то ни было, ваш Шоррен избежал наказания и поселился на Гудзоне. Оставайся он там и дальше, никто бы и пальцем не пошевелил, чтобы привести отсроченный приговор в исполнение. Но он вернулся в большой мир. Более того, он осмелился покуситься на святое. Он захотел стать космическим полицейским...

– Но разве этого нельзя? – начальник выдохся, и Гурий поспешил воспользоваться паузой. – Шоррен вполне испустил свою вину перед обществом. Он честно заслужил свою

свободу и отличился в деле «Чудовища». Я ручаюсь за него. И потом, мы должны предоставить ему шанс. Да, он бывший преступник. Да, он оступился. Да, он был приговорен, но прошло почти пятнадцать лет и...

– Вот именно, что *почти*, капитан, – вздохнул его начальник. – Еще бы девять с половиной месяцев – и ваш Шоррен был бы официально чист перед законом. Но эти документы и его побег... В общем, приговор вступил в силу. Шоррен Ганн отчислен из числа курсантов полицейской академии и объявлен в розыск как особо опасный преступник. И мы могли бы замять дело, если бы не его побег. Увы, своим побегом он сам себе навредил. А тем, что он все-таки ваш подопечный, навредил и вам. Лично вас, капитан Хватов, от наказания спасает только... кхм... написанный про вас роман и свалившаяся на вас слава. Поэтому вас не уволят, не разжалуют и не сошлют куда подальше. Но ваша карьера под угрозой. Вы понимаете?

Гурий молча кивал головой, пытаясь осмыслить происходящее. Шоррен сбежал. Парень удрал, испугавшись того, что откроется его прошлое. Прошлое, прямо скажем, неприятное. Преступник, приговоренный к высшей мере наказания... Нет, его не расстреляют, не повесят, не посадят на электрический стул и не четвертуют. Законы более гуманны, чем кажется. Даже жизнь преступника имеет цену. Например, в Великой Звездной Империи смертная казнь осталась только за один вид преступления – за покушение на жизнь

и здоровье императора. И Шоррену «всего лишь» грозила отправка куда-либо на смерть. Например, в лаборатории в качестве подопытного «добровольца», дабы на нем испытывать яды и всевозможные химические соединения. Или его отправили бы на вредное производство, связанное с риском для жизни – скажем, ликвидировать последствия ядерных взрывов. Или используют в качестве террориста-смертника в какой-нибудь военной операции. Вариантов гуманно расправиться с человеком масса.

– Но... он вы уверены, что он сбежал? – память выудила тонкую ниточку удачи. Может быть, с парнем всего лишь случилась беда? Может быть, он не явился на поверку по уважительной причине. Например, его убили...

– Увы, это практически доказано. К несчастью для вас. Дело в том, что уже проведено предварительное расследование. В тот же день диспетчер коспоморта 13-Радиальное дал разрешение на посадку торгового катера «Вольный Ветер», следовавшего транзитом к Лямбде Лебеда. Изначально «Вольный Ветер» запросил двое суток на восстановление и закупку оборудования и товаров. Однако уже через четыре часа после приземления он почему-то внезапно стартовал. И ушел в глубокий космос, отказавшись от таможенного досмотра на том основании, что ничего не было куплено. У нас есть серьезные подозрения, что курсант Шоррен Ганн покинул планету именно на борту «Вольного Ветра». Мы отправили официальный запрос в порт приписки корабля, однако,

нам ответили, что катер вот уже несколько месяцев как числится в угоне и официально списан.

– Пираты? – упавшим голосом уточнил Гурий.

– Пираты. Поэтому руководство пришло к заключению, что именно вас стоит направить на поиски и поимку опасного преступника.

– Что?

Гурий метнулся к начальнику, но остановился, пораженный его видом. Майор понурился, как-то сразу постарев. И потерянное выражение его лица яснее ясного подсказало, насколько серьезно дело.

– Вы мне нравитесь, капитан, – сказал он. – Звездные демоны с этим романом и с этой писательницей, пусть она хоть сто раз популярна. Мне самому неприятно, что вас так подставили, но выхода нет. Вам придется отправиться на поиски этого вашего Шоррена и во что бы то ни стало вернуть его сюда. Можно по частям. Можно уже не живым, – он слегка подмигнул, намекая, что второй вариант в расхожей фразе «Взять живым или мертвым» понравится ему гораздо больше. – Но сделать это надо как можно скорее. И именно вам. Считайте это своим экзаменом.

– Экзаменом... на что? – похолодел от недоброго предчувствия Гурий.

– Седьмой отдел.

Всего два слова, но они грянули громом среди ясного неба. Загадочный Седьмой отдел при армии империи. О нем

было известно только одно – он действительно существует. До недавнего времени Гурий ничего не знал об этом, пока один из поселенцев Гудзона, Рой Линк, бывший спецназовец, не сообщил ему, что в его бригаде был и геройски погиб некий Крус-Вонючка, который в том самом Седьмом отделе имел позывной «Енот-1». Гурий обещал передать, где именно нашел смерть один из «септимиков». Он сказал об этом своему начальнику перед тем, как уйти в последний рейд. И внезапно получил ответ.

– Вас хотят видеть в Седьмом отделе, – огорошил его майор. – Но только в том случае, если вы достанете Шоррена.

Из кабинета начальника Гурий вышел на прямых ногах. В коридоре, отгороженные прозрачным экраном, защищающим от прослушивания, его с напряженными лицами ждали коллеги, сотрудники, подчиненные – кроме Ковача, тут было еще трое стрелков из экипажа «Стремительного» – секретари и патрульные. Судя по их лицам, они ни о чем не догадывались и уже предвкушали второй этап развлечения: «Ну, как? Сколько автографов вам пришлось дать, о великий Звездный Рыцарь?» Всем известный насмешник Гойло Чомски уже набрал полную грудь воздуха, дабы разразиться приличествующей тирадой, но Гурий молча раздвинул толпу плечом и, не отвечая на вопросы, направился к выходу.

За спиной раздавались удивленные и ехидные шепотки: «Какая муха его укусила? Да, загордился наш Хват! Вот оно, бремя славы... погоди, то ли еще будет!»

Не слушая никого, Гурий покинул полицейское управление и напрямик направился к себе. Жил он в общежитии неподалеку. Комфортабельное, с отдельными санузлами и тремя хозблоками-кухнями на каждом этаже, оно было единственным местом в мире, где он мог попытаться спрятаться ото всех, и остаться наедине с собой и своими тревогами. Ох, Шоррен-Шоррен, что же ты наделал? Но был ли у тебя другой выход? И что можно предпринять?

Ответы на эти вопросы надо было найти как можно скорее.

Глава 2.

Ждать больше смысла не было. Костюм доставили с утренней почтой, временная пластика лица тоже прижилась, как нельзя лучше. Внимательно оглядев себя в зеркало, Карла осталась довольна результатом. Полностью менять внешность она не стала – только чуть-чуть подправила форму носа и подтянула скулы, отчего ее природное круглое лицо стало казаться худым и вытянутым. Новая прическа еще сильнее удлиняла его, а креативная линия бровей бросалась в глаза. Сами глаза под сенью нарощенных ресниц стали манящими и загадочными. Девушка все утро репетировала перед зеркалом взгляд томный, страстный и загадочный, одновременно стараясь показаться неприступной. Пусть она на все пошла ради любимого мужчины, но все-таки остается Женщиной. И звездный рыцарь Гурий Хват должен поста-

раться, чтобы завоевать ее сердце. Так всегда бывает в романах про истинную любовь – герой и героиня предназначены друг другу с рождения, и в один прекрасный момент понимают это, пройдя множество испытаний. Она свою часть прошла – прическа, пластика, макияж, платье, белье, – теперь черед ее «второй половинки». От него требуются подвиги, цветы, знаки внимания... Ах, как жаль, что Бриллиантина Перламутровая написала про Звездного Рыцаря только один роман! На форуме и во время он-лайн бесед читательницы уже задавали ей этот вопрос, но ответ получили уклончивый: «Пусть это станет вам сюрпризом. И моим маленьким капризом!»

Действительно, это будет сюрприз так сюрприз, когда Карла огорошит всех известием о том, что она – невеста книжного героя. Девушка уже сменила свой статус в соцсетях со «свободна, как птичка» на «в активном поиске любви, интим не предлагать». Сделала селфи, получила массу отзывов, и только прочитав первые двадцать сообщений, стала собираться на работу.

Конечно, она снова опоздала. Всего на каких-то сорок минут, но в середине рабочей недели это было еще заметнее.

– Для вас, видимо, график работы нашей фирмы не указ? – господин Ороро был уже на месте и в преотвратном настроении. Наверное, вчерашний поход по ночным клубам закончился для андрогинна неудачей. – Вы живете по какому-то своему графику?

– Да, господин Ороро, я не просто живу по своему графику. Я вообще больше не собираюсь жить по *вашему* расписанию, – Карла долго репетировала эту сцену и не полезла за словом в карман. – Отныне у меня своя жизнь, и я наконец-то намерена ею правильно распорядиться!

С этими словами она прошла к своему столу и стала собирать вещи.

– Господи, Карлайла, – Галла Пик всплеснула руками, – что ты с собой сделала?

– Хочешь изменить свою судьбу – начни с себя, – подбоchenилась девушка. – Вот я и изменилась. Нравится?

Она тряхнула волосами, приняла картинную позу, которую тоже все утро оттачивала перед зеркалом.

– С ума сойти, – дипломатично откликнулась Галла. – И что с тобой случилось?

– Пока ничего, но скоро случится. Я выхожу замуж!

– И увольняешься? – от своего компьютера подала голос Минна.

– Разумеется, – девушка улыбнулась и помахала рукой начальнику: – Господин Ороро, потрудитесь проверить утреннюю почту. Я еще по пути сюда отправила вам заявление об увольнении.

– Заявление, – тот оставался таким же суровым. – И вы выходите замуж. Можно поинтересоваться, за кого?

– Как – «за кого»? За Гурия Хвата, Звездного Рыцаря, разумеется!

Контора синхронно выдохнула. Минна уронила свои виртуальные очки. Галла Пик подпрыгнула на стуле. Разговор третьего дня был еще свеж в памяти, но никто не думал, что все настолько серьезно. Замешательство длилось несколько секунд, после чего коллеги наперебой кинулись поздравлять Карлу с победой.

– А он знает? – вопрос господина Ороро был подобен уша-ту холодной воды.

– Правда, Карла, расскажи, как вы познакомились? Где ты его отыскала? – затрещали бухгалтерши. – Каков он в жизни? Вы уже парочка или еще просто друзья? Родителям сообщила? Он сделал тебе предложение?

– Пока еще нет, – улыбнулась девушка, – но обязательно сделает. Я отправляюсь к нему. Мне известен его адрес. Мой шаттл «Родольфо Нориев» стартует через два часа. Я должна еще пройти таможенный досмотр, так что девочки-мальчики, мне некогда. Прощаюсь, люблю, целую, но улетаю... И передайте привет Родиду. Он просто душа.

Послав воздушный поцелуй, Карла как попало сгребла в сумочку разложенные на столе безделушки и кинулась к дверям, не слушая, что кричат ей вслед коллеги. Было слегка страшновато – вот так решиться круто раз и навсегда изменить свою жизнь. Но она дожила уже до двадцати четырех лет. Пора было брать судьбу в свои руки!

Шоррен тоже чувствовал себя, как во сне, но совсем по

другой причине. Мир, из которого он был вырван в семнадцать лет, и который успел стать для него химерой, тенью, призраком, внезапно обрел реальные черты. Молодой человек никак не мог понять – то ли он спит, и ему снится сон, то ли, наоборот, он проснулся после долгой криозаморозки, во время которой ему и приснился Гудзон. Как бы то ни было, он ощущал, будто из его жизни вырвали огромный кусок, и края разрыва еще кровоточат. Должно пройти время, чтобы зарубцевалась эта рана.

Корабль назывался «Вольный Ветер», и еще недавно считался мирным торговцем. Всего четыре месяца назад он сменил владельца, и капитан Бодяга перегонял его на другую точку, чтобы произвести ремонт и поставить на носу дополнительную защиту, а по бортам нарастить отражатели и ионные излучатели. Пушки у бывшего торговца были свои, маломощные, зато «родные» и работали идеально. Шоррену выделили отдельную каюту, перегородив дополнительной переборкой «общежитие» стрелков. По традиции, все новички должны были сперва пройти что-то вроде процедуры инициации и первое время жить в общей каюте, среди абордажников, которые и устраивали им символические проверки. И сначала команда возмутилась, почему этому новичку такие привилегии. Не радовались особенно ни стрелки, ни абордажники, ни техники, ни сам экипаж. Шоррен чувствовал это отчуждение – за без малого пятнадцать лет у капитана Бодяги сменился практически весь экипаж. Да и как капи-

тан, Дюк Бодяга тоже считался новичком. Шоррена тут никто не знал, к нему относились как к недоразумению – мол, для чего экэпу приспичило тащить на борт полицейского? То, что это был курсант, да еще не прошедший обучения, да еще и удравший из академии, никого особенно не волновало.

Нет, его не подкарауливали в коридоре, чтобы «поговорить по понятиям». Ему не устраивали мелких пакостей, не дразнили и не провоцировали на драку. Его просто игнорировали. В общей столовой могли занять его место, стоило отлучиться на полминуты. Могли забрать его паек, а кок так и вовсе «забыл» поставить новичка на довольствие, так что первый ужин ограничился сухим пайком, да и завтрак тоже. Если он заходил в гостиную, там либо сразу замолкали, либо продолжали заниматься своими делами, не отвечая на приветствия. К тренажерам и в душ приходилось выстаивать длинную очередь, а при распределении вахт неожиданно выяснилось, что экипаж уже поделился на тройки и четвертого человека просто не к кому приткнуть.

Так тянулось четыре дня. Наутро пятого Бодяга без стука зашел в каюту Шоррена.

Тот лежал, вытянувшись, на узкой складной койке, закинув руки за голову. В тесной каморке, размерами ненамного превышающей кладовку, мебели почти не было – койка, складной стул, небольшой, поставленный на попу, ящик, используемый как шкаф для личных вещей и как стол, несмотря на то, что по высоте таким образом доставал Шоррену до

груди. На голых стенах не было даже крючков для одежды и оружия. Тут вообще было пусто и довольно неудобно.

Шоррен встал при появлении капитана. Бодяга присел на стульчик, покачался на нем, проверяя устойчивость.

– Уныло тут у тебя, – обронил, окинув взглядом стены.

– Как в тюрьме.

– Но-но, не бери в голову!

– Как не брать, когда оно само лезет, – попробовал пошутить Шоррен.

– Перестань. Так всегда бывает с новичками.

– Я не новичок...

– Да, я это знаю. И Минк тоже, – при воспоминании о старпеме капитана почему-то передернуло. – Но для остальных людей ты – салага, который глубокого космоса не нюхал. Маленький мальчик, который чуть ли не до тридцати лет держался за мамкину юбку, и лишь недавно рискнул от нее отцепиться. Что, – усмехнулся капитан, заметив, как потемнело лицо молодого человека, – скажешь, не так?

– Не так.

Шоррен скрипнул зубами. Про свою жизнь на Гудзоне он старался не вспоминать, чтобы не беречь раны, и во время учебы в академии это порой удавалось – он неделями не думал о своей бригаде, не вспоминал о Натеше и дочке. Сара не брошена, она в надежных руках, так чего тут думать? Но в последние дни, окруженный стеной отчуждения, он вдруг снова вспомнил прошлое.

– Что, неужели подцепил кого-нибудь? – понимающе хохотнул Бодяга.

Шоррен стиснул кулаки. Да как смеет этот грязный пират марать своими жирными губищами имя Натеша? Женщина, подарившая ему дочь, самая прекрасная женщина на свете. Она...

Нет. Не думать, Не вспоминать. Он сделал свой выбор и, что бы ни случилось, назад не вернется. Космос зовет, и его зову противиться нельзя. Он – звездодоходец, его место здесь, среди звезд, на вселенских трассах.

Капитан по-своему понял его напряженное молчание.

– Брось, – он хлопнул парня по плечу, – Не стоит она того, чтобы из-за нее переживать! Что ты, себе бабу не найдешь, что ли? Ты ж у нас такой красавец! Да в любом порту тебе достаточно глазом моргнуть – из девиц очередь выстроится. Из трусиков на лету будут выскакивать, лишь бы к тебе поближе... Кстати, я вот чего пришел, – он сменил тон, – насчет космопортов...

– Меня будут искать, – Шоррен поднял голову. – Я – беглый. И я... осужден.

– За что?

– Мне сказали... я свой срок не отсидел.

– Чего? Какой еще срок?

– Тот самый. Я ведь не просто так почти девять месяцев в учебке академии провел. Законы изучал и вообще... Для таких, как я, существует срок давности. Пятнадцать лет. Если

сбегаешь, не дождавшись суда или сразу после объявления приговора, то только через пятнадцать лет можно... м-м... вылезать из подполья. То, что я попал на Гудзон... это можно счесть, как побег. Ведь меня забрали до суда. А суд наверняка дал мне, как «черному» звездoproходцу, высшую меру наказания. Лесоповал на Гудзоне, конечно, не сахар, но намного легче, чем «вышка». Тем более, что я оттуда улетел... То есть, нарушил закон. Я подсчитал – пятнадцать лет истекают только через одиннадцать месяцев. Если бы этот проклятый документ пришел хотя бы на полгода позже, в следующем семестре, они бы меня не достали. Даже с таким пятном на биографии я бы все равно стал полицейским. А теперь...

– Теперь тебе надо начинать все с начала. Понимаю. За этим и пришел.

Капитан Бодяга пересел на койку к Шоррену, приобнял за плечи.

– Короче, вот. Полгода отсидки мы тебе обеспечим. Пока никто не знает, где ты находишься, ты вроде как чистым выходишь. Тут ведь космос, время сам знаешь, как идет, и в какую сторону, ага... Так вот, мои парни немного с корабельными часами поиграются – и будет тебе алиби. Глазом не успеешь моргнуть – и окажешься ты чистым перед законом, аки младенец новорожденный. И тогда тебе придется принимать решение.

– Какое? – спросил Шоррен, уже зная ответ.

– Самое простое – с кем ты.

– По-моему, это и так понятно, – пожал плечами парень.

– Тебе понятно. Мне – понятно. Им – *не* понятно, – ткнул капитан пальцем в переборку. – Короче, ты должен этим парням – не мне или себе самому! – доказать, что у тебя кишка не тонка, и ты можешь быть нам полезен.

– А как? – насторожился Шоррен. В детстве и ранней юности он знал об обрядах инициации, которые так или иначе проходят все новички. В большинстве случаев это довольно жестокие испытания. Мальчишкам и подросткам, которые соблазнились романтикой дальних странствий, предлагалось либо убить кого-нибудь, либо пройти настоящий тест на выживание. Испытывали болью, выносливостью, силой, умением принимать решения. Не все проходили испытания. Бывало, что «проверка» заканчивалась гибелью мальчишки. А бывало, что вместо обряда юнга несколько лет был просто мальчиком на побегушках, слугой и игрушкой в руках старших. Порой над детьми откровенно издевались, убивая скуку дальних перелетов и просто давая выход накопленной энергии. Такие «проверки» могли длиться годами, пока не подворачивался случай для юнги проявить себя.

В свое время Шоррену повезло – сам факт его побега из детского дома говорил о многом. А то, что попутно мальчишка схватился с охранниками и сумел обезоружить одного из них, послужило отменной рекомендацией. Но все равно и ему пришлось несколько недель быть обычным слугой у

капитана. И теперь, много лет спустя, он снова должен опуститься до уровня «подай-принеси»? Или ему предстоит более жестокое испытание?

– Сам подумай, – Бодяга усмехнулся, заметив выражение его лица. – Тебе – и нам! – крупно повезло. Ты, можно считать, единственный из наших, кто легально оказался на той стороне. Ты – полицейский. Представитель Интергалакпола...

– Не доучившийся представитель, – скривился Шоррен.

– Да, но об этом не все знают. Ты обучался в академии? Обучался! Покинул ее? Покинул! А для чего? Чтобы работать и служить людям. Понимаешь?

Он подмигнул, и до молодого человека все стало ясно.

– Но если меня захотят проверить?

– Ерунда. Состряпать тебе фальшивые документы – раз плюнуть. Главное, что тебя любой может пробить по базе – мол, такой-то действительно обучался в полицейской академии на Вангее в таком-то году. Есть великое множество миров, где этого более чем достаточно. И сейчас мы направляемся к одному такому миру. Так что приготовьтесь... капрал Ганн!

Потрепал по плечу и вышел, оставив Шоррена наедине со своими мыслями.

Полный решимости начать поиски Шоррена как можно скорее, Гурий уже на другой день явился в полицейскую ака-

демию Вангеи. В свое время он сам заканчивал ее – правда, заочно, чисто формально, поскольку таможенные курсы на планете Старая Земля – как бы не та начальная подготовка, которой достаточно для службы в Интергалакполе. И даже то, что по документам он был марсианином, не облегчало дела. Гурий явился на очередные сборы, несколько дней прожил в полевых условиях, ежедневно сдавая тест за тестом, после чего заполнил несколько анкет, прошел собеседование и получил вожделенные нашивки и соответствующий штамп в личном деле. Что до Шоррена, то он проходил подготовку по ускоренной программе и поступил сразу на второй курс... чтобы не закончить его.

В академии шли занятия, так что пришлось ждать почти два часа, пока курсанты смогут освободиться. В ожидании, Гурий прошелся по аллеям, свернул в сторону тренировочных плацев. Будущие полицейские много времени проводили на тренажерах, отрабатывая навыки работы в условиях невесомости, повышенной тяжести, в скафандрах особой прочности, в жидких, газообразных и еще демоны знает, каких средах. Они то схватывались друг с другом в рукопашных поединках, то устраивали перестрелки, то проходили одну полосу препятствий за другой. Были и вполне мирные задания – например, надо было, облачившись в тяжелый скафандр, в почти полной темноте и при сильном порывистом ветре, практически наощупь собрать и разобрать переносную антенну. За выполнением этого задания через

инфракрасные очки наблюдали инструкторы, засекая время. Гурий присоединился к ним.

– Пришли присматривать себе стажеров? – поинтересовался старший инструктор, у которого обе руки были заменены протезами. – Это вы поторопились. Им до выпуска еще девять месяцев и два семестра.

– Нет, сержант, – Гурий покосился на его нашивки. – Стажера я себе уже присмотрел, да вот только он меня не дождался.

– Что? Переметнулся к другому?

– Не хотелось бы так думать.

– Я его знаю?

– Может быть, – Гурий смерил собеседника взглядом. Он терпеть не мог ходить вокруг да около, но надо было быть осторожнее. Как любое расследование, его не стоило афишировать во избежание утечки информации. – Он учился с этим потоком.

– Дайте угадаю... курсант Ганн?

– Да.

Инструктор шевельнул губами – выматерился про себя.

– Что вы можете о нем сказать? Как он себя показал?

– Да как вам сказать, капитан... Видно было, что парень бывалый. С оружием обращался, как бог. Не то, что эти сосунки. Ей-ей, я бы не прочь был видеть его среди нас. Он мог даже кое-кого из учителей за пояс заткнуть. Драться тоже умел. А уж выживальщик из него был – прямо хоть сей-

час в спецназ и на захват любой планеты! И чего он забыл в полиции? Ему в армии самое место...

– Нельзя было ему в армию. По возрасту не подходил. И... еще кое по чему. Вы знаете, что с ним случилось?

– А что с ним могло случиться?.. Минутку, – инструктор отвлекся. На полигоне зажглось несколько зеленых лампочек – четверо курсантов первыми завершили испытания.

– Отличный результат, Полак! – рявкнул инструктор в микрофон. – Кто там второй? Гурвич? Кросс? Молодцы. Двигайтесь к выходу!.. Наши лучшие, – пояснил он, – не считая Ганна. Тот почти всегда был в тройке лидеров. Разве что в науке подкачал. Тут он был первым с конца. Пришлось в кои-то веки раз учителей из средней школы приглашать для репетиторства – элементарных вещей не знал. И как он аттестат зрелости получил с таким образованием? Где учился?

– Нигде. Он из колонистов Гудзона. Там одна школа на всю колонию, и то в столице.

– Тогда догадываюсь, что могло произойти. Затравили...

– Может быть, – кивнул Гурий. – Скажите, сержант, у курсанта Ганна были враги?

– Я не в курсе. Вам стоит обратиться к куратору. Он лучше знает.

Инструктор кивнул в сторону высокого сухопарого урианина, который направлялся в их сторону разболтанной походкой. С урианами, видом разумных растений, Гурий до этого сталкивался редко. На территории империи они жили

изолированными общинами, четко ограничивая контакты с людьми. Должно было случиться нечто неординарное, чтобы представитель этого вида стал работать на людей. Тем более что уриан среди выпускников полицейской академии было раз-два и обчелся. Но именно он и был куратором этого потока.

Выслушав объяснения Гурия, урианин, представившийся как Фху-кшш, кивнул и повысил голос:

– Курсант Флег-фмачек!

Один из парней, стаскивавших с себя скафандр, торопливо разоблачился и подбежал к начальству. Он оставался в обтягивающем комбинезоне, который обычно надевают под скафандры, и казался обнаженным. Впечатление наготы усиливали массивные ботинки с магнитными подошвами.

– Курсант Флег-фмачек, – прошелестел урианин, – этот ч-шеловек... капитан, – кивнул он в сторону Гурия, – капитан Х-фат-офф интересуется вашими отношениями с курсантом Г-ханном. Ш-шоренном Г-ханном, – уточнил он.

– Отношения, сэр? – скривился тот. – Какие у нас могли быть с ним отношения? Он же был тупым, как пробка, сэр. И чуть что – с кулаками лез. С ним никто не хотел общаться. Дикий он... И я знаю, почему! – в голосе парня послышалось самодовольство.

– Хотелось бы услышать вашу версию, – прищурился Гурий.

– Этот Ганн был не тот, за кого себя выдавал. Он – «чер-

ный» звездопроходец. Пират! Его внедрили пираты в нашу академию, чтобы добывать ценные сведения... ну, или что-то еще.

– Вот как? И на чем основано столь далеко идущее заявление?

– Так на него же файл пришел. И вовсе не с Гудзона, откуда он якобы был родом, а откуда-то с окраины галактики.

– Не с Шарфика Невесты? – припомнил Гурий легенду, которую сам же для Шоррена и сочинял.

– Почему я знаю? Может, и оттуда. А только есть ориентировки на розыск некоего типа, бывшего «черного» звездопроходца, который очень походил на Ганна.

– И в этом файле...

– Не знаю, чего там. Не читал, – усмехнулся Флегмачек, глядя ему в глаза.

– Тогда откуда вы все это знаете? С чего взяли, что курсант Ганн – бывший «черный»?

– Так мы же не на балерин учимся, а на полицейских, – курсант был доволен собой. – Нам предстоит не только за пиратами гоняться и засады устраивать, но и преступления раскрывать. Улики там, осмотр места происшествия, допросы свидетелей, сопоставление фактов и вообще... дедукция с интуицией. Вот я интуицию и подключил.

Он широко улыбался, демонстрируя ровные гладкие зубы коренного уроженца Вангеи. Он был уверен в себе и горд, и Гурий внезапно почувствовал злость и досаду. Проблема не

в том, что Флегмачек был прав в своих догадках – проблема заключалась в том, что он отказывал другим в праве защищать свою правоту. Такие люди, как этот Флегмачек, видят мир с одной точки зрения – со своей, деля людей на тех, кто согласен с ним и тех, кого надо считать врагами только за то, что они осмелились думать иначе. Пираты – враги, курсант Шоррен Ганн – бывший пират. Значит, он тоже враг. Без вариантов. Без права на помилование. Такого не в полицию, такого в карательный отряд – подавлять восстание каких-нибудь гуманоидов.

– Что ж, – процедил Гурий, заставив себя сохранять деловой тон, – могу сказать, что ваша интуиция... хорошо развита.

– Э, я еще и не то могу! – поспешил похвастаться парень. – Если не верите – испытайте! У нас через два месяца заканчивается очередной семестр, потом полгода обязательной стажировки, еще одна сессия – и я буду вполне готов к работе!

Он буквально напрашивался в стажеры, и Гурий не мог отказать себе в удовольствии покачать головой:

– Сожалею, но я уже присмотрел себе кое-кого... Не с вашего потока.

– Ну и что? – почувствовав слабинку – или решив, что почувствовал, – Флегмачек наглед на глазах. – Возьмите двоих. Так иногда делают, если выпуск большой.

– Мы поговорим об этом позже, – отмахнулся Гурий и повернулся к урианину, – куратор Фху-кшш, мне необходимо

восстановить последний день Шоренна Ганна по минутам. Не могли бы вы мне помочь? Какие занятия у них были в тот день?

– Обыч-шные. Снач-шала строевая подготовка, потом три часа лекций и письменных занятий, затем – стрельбы, кото-рые не состоялись по прич-шине драки, – зашелестел уриа-нин. – После того, как раненые были обработаны в медчасти, весь поток был отправлен на дополнительную полосу пре-пятствий, откуда их перекинули на внеплановый субботник, г-где они занимались до веч-шера. Веч-шером же все жела-ющ-шие отправились в увольнительное...

– Спасибо, – Гурий мысленно сделал пометки и пригото-вился к тому, что сегодня ему придется много говорить и еще больше – слушать и запоминать.

Карла пребывала в состоянии блаженной эйфории. Сбы-валась мечта всей ее жизни – девушка летела на встречу к любимому человеку! Накануне она не выдержала и позво-нила маме, с которой вот уже несколько лет жила отдельно, встречаясь только по праздникам и по особым приглашени-ям. Родители не играли в ее жизни существенной роли – они произвели на свет, согласно программе размножения, тро-их детей и практически сразу потеряли к ним интерес. Кар-ла с сестрами жила то в интернате, то в пансионате, возвра-щаясь домой на каникулы. Только первые полтора года жиз-ни девушка прожила у отца и матери, да еще полгода после

окончания колледжа, до поступления на курсы бухгалтеров. Тогда она переселилась в общежитие, поставив условие, что после окончания учебы ей нужен отдельный жилой модуль. Родители были рады предоставить ей такие условия – в отличие от старшей сестры, Карла не предъявляла особых претензий к району, в котором будет располагаться квартира, к этажу, метражу и прочим показателям. Ухватилась за первый попавшийся вариант, поцеловала родителей в щечку и забыла о них надолго.

И вот только перед отлетом решила созвониться с матерью, набрав ее номер из таксофлайера.

– Привет, мам! Ты дома?

– Пока да, но собираюсь на встречу. Говори скорее, что тебе надо? Что-то случилось? Ты попала в неприятности?

– Нет, мам. Просто... просто через полгода сдай мой модуль кому-нибудь, хорошо?

– А что такое?

– Я улетаю.

– Понятно, – мать помолчала. Судя по картинке видеофона, она использовала паузу для того, чтобы наложить макияж. – Счастливого пути и будь осторожна.

– Но мама, ты даже не спросила, куда и к кому я лечу? – возмутилась девушка. Она уже так настроилась на сенсацию, что просто недоумевала, как можно быть настолько бесчувственной.

– Не все ли равно? Ты совершеннолетняя, я уже не от-

вечаю за тебя перед государством, наоборот, именно ты теперь сама в ответе за себя... Надеюсь, ты помнишь, что добровольно включилась в программу размножения? Твоя старшая сестра уже произвела на свет третьего ребенка, между прочим!

Государство заботилось о гражданах, каждые двадцать лет перестраивая программу размножения – сколько детей должна произвести каждая здоровая полноценная женщина. В этой двадцатилетке каждой замужней женщине вменялось в обязанность забеременеть дважды, а незамужней – единожды. За каждого младенца сверх плана выплачивалась премия.

– Отлично, вот пусть она за нас с сестрой и отдувается! – усмехнулась Карла.

– Как ты можешь так говорить? – в голосе матери, однако, не было ни досады, ни каких-либо других чувств. – Дира твоя сестра...

Ага, сестра. С которой они встречались регулярно только в последние три года. До этого девочки чаще видели друг друга на фотографиях и по видео, чем воочию – в их интернатах каникулы почти не совпадали.

– Я знаю, мама. Но ты так и не спросила, куда я лечу и зачем?

– Куда ты летишь и зачем? – послушно повторила мать, глядя не на экран видеофона, а на зеркало рядом с ним и одновременно подкрашивая губы.

– Я лечу на Вангею, чтобы выйти замуж!

Мать застыла с разинутым ртом. Карла усмехнулась. Да уж, новость получилась сногшибательной.

– Ты... серьезно? – глаза матери и дочери встретились впервые с начала разговора.

Девушка кивнула:

– Более, чем!

На несколько секунд повисло молчание.

– Знаешь, на твоём месте я бы десять раз подумала, прежде чем соглашаться на такое, – наконец, выдала мама.

– На что – «такое»?

– Улетать. Что, если возникнут проблемы?

– Проблемы возникнут у тех, кто задумает мне помешать! – огрызнулась Карла.

– Послушай, дочка...

– Нет. Я все решила!

Мать вздохнула.

– Не скажешь хотя бы, кто он?

– Звездный Рыцарь Гурий Хват! – продекламировала её дочь.

– Гурий Хват... Гурий Хват, – забормотала мать, снова принимаясь за макияж. – Где-то я слышала это имя.

– Читала, скорее всего. Он – герой нового романа Бриллиантины Перламутровой!

– Да? Точно! И ты хочешь сказать, что собираешься замуж за книжного персонажа? Ловко придумано. Донора уже

нашла?

– Какого донора?

– Спермы, разумеется. Или как ты собираешься решать вопрос с детьми? Тебе придется выплатить государству неустойку за отказ участия в программе размножения!

– На Вангее эта программа не действует. У них свои законы. И там я могу делать, что хочу! – Карла уже проштудировала все, что касалось планеты, на которой обитал герой ее романа. Несмотря на то, что обе планеты – Вангея и ее родная Ка-Песса – входили в состав Великой Звездной Империи, но обе когда-то были столицами независимых государств, завоеванных империей полтысячи лет назад, и поэтому сохранили кое-какие отличительные особенности. Например, на Ка-Пессе действовала программа размножения, не отмененная с тех веков, когда человечество только-только стало завоевывать Галактику. Разве что она претерпела существенные изменения. Соответствующие законодательству империи.

– Я поняла. Молодец, ловко устроилась. По документам ты будешь замужем за вангейцем, а по сути останешься свободной от любых обязательств... Смотри, будь осторожна. Хорошенько подумай, как ты будешь решать эту проблему?

– Какую проблему, мама?

– Такую. Насколько знаю, зарегистрировать брак можно практически с любым живым существом и даже, при соблюдении определенных условий, с неживым предметом – с

флайером, ноутбуком, микроволновкой и даже альбомом с голографиями и любимой детской игрушкой. Но для того, чтобы он был признан официально, ты должна предъявить объект, за который собралась замуж! Регистратор должен до него дотронуться – это главное условие! А как он дотронется до книжного героя? – мать опять оторвалась от зеркала и помахала перед носом дочери – вернее, перед экраном видеофона – кисточкой с помадой. – Это может стать непреодолимым препятствием!

– Нет, мама, – Карла победно улыбнулась. – Гурий Хват существует на самом деле. Он настоящий человек, из плоти и крови. И я лечу к нему.

– Человек? Книжный герой – человек? Он не выдумка? Но так не бывает! Никто не пишет книг о реальных людях!

– Никто, кроме великой Бриллиантины Перламутровой. Она настолько гениальна, что может позволить себе не выдумывать героев, а брать их из жизни и переносить их истории на файлы, сохраняя для потомков в веках!

– Подумать только, – мать покачала головой. – Писать о реальных людях! Кто бы мог подумать, что литература докажется до такого...

Она задумалась – или картинка «зависла». Карла трянула видеофон.

– Мам, короче, ты сама скоро все увидишь. Мы тебе позвоним, и ты сможешь послать свою голограмму на нашу свадьбу! Можешь начать выбирать для нее образ и модель! А

сейчас извини, мы подлетаем к космопорту. Я отключаюсь!

– Пока-пока, – мать первой прервала связь.

Карла пребывала в приподнятом настроении и полна радужных перспектив ровно до тех пор, пока не настала пора проходить таможенный досмотр. С ее вещами проблем не возникло – сканер прошелся по ним беглым взглядом, робот-пес лишь сверкнул индикаторами и сразу покатился к горке узлов и коробок, которые составляли багаж какого-то возвращающегося на родину туриста. Но таможенник-андроид зорко воззрился на девушку:

– Вы взяли билет только в один конец. Вы не можете определиться со сроками возвращения домой?

– Да, не могу.

– В таком случае вы можете указать примерную дату возвращения на Ка-Пессу.

– Зачем?

– Таков порядок учета и контроля граждан. Служба слежения на посту.

– Служба слежения? – Карла уже несколько раз покидала планету, отправляясь с классом или подружками на отдых или по делам в другие миры, всякий раз проходя таможду без проблем. Правда, за последние полтора года ей не приходилось улетать с планеты. Может быть, ввели новое правило? Она поинтересовалась у таможенника этим вопросом.

– Служба слежения контролирует перемещение вне пределов планеты граждан определенной категории, – последо-

вал ответ. – Сюда входят несовершеннолетние граждане, путешествующие без родителей, опекунов или законных представителей, а также все незамужние женщины, включенные в программу размножения. Согласно вашим персональным данным, вы являетесь незамужней женщиной, включенной в программу размножения, и не имеете права навсегда покинуть планету.

– Что? – Карле показалось, что она ослышалась.

– Согласно Директиве за номером 129/5-«альфа»-8, планету Ка-Песс не имеют права покидать незамужние женщины, не произведшие ребенка. Согласно персональным данным, у вас нет детей, поэтому вам не может быть разрешено покинуть планету. Сожалею.

Из узкого отверстия выскочила паспортная карточка Карлы – без единой отметки. Вслед за ней показалась кредитка. Девушка до отказа вдавила в гнездо кнопку экстренной связи.

– Но мне необходимо попасть на Вангею! – воскликнула она. – Что же мне делать?

– Вернуться домой, найти донора спермы, произвести на свет ребенка, сдать его в органы опеки и после оформления всех документов подать прошение на вылет с Ка-Пессы, – последовал ответ. – Если вы испытываете затруднения с выбором донора или не знаете, как оформить заказ, это можно сделать тут же, в зале ожидания космопорта, воспользовавшись терминалом номер шесть.

Карла оторопела. Нет, она догадывалась, что на пути к ее счастью могут стоять преграды, но вот чтобы такие... Ей просто не продали билета! И на карточке наверняка стоит отметка о том, что она не может пройти таможеню. Ее не пускают к любимому человеку! Гурий Хват остается там один. Не женат!

Киборг-охранник вежливо, но твердо предложил ей отойти в сторону и не мешать остальным. Девушка заупрямилась:

– Но я должна улететь на Вангею. Сегодня! Сейчас! Я... я уже маму на свадьбу пригласила! И у меня не статус незамужней, нет! – сообразила она, снова кинувшись к регистратору. – Я – невеста! Я имею право!

– Ваш жених летит с вами?

– Э-э... – Карла растерялась. – Ну, я вообще-то... Он не здесь.

– Хотите сказать, что он летит не этим рейсом?

– Нет, но... сейчас его нет рядом со мной и...

– Если вы путешествуете с целью совершить бракосочетание по законам другой планеты, это приемлемое решение, и в этом случае вас могут выпустить с Ка-Пессы. Для того чтобы получить разрешение, вам надо привезти вашего жениха сюда, дабы он подтвердил ваше заявление. В этом случае вы можете получить билеты со скидкой в полпроцента от стоимости прямого билета и десять процентов от стоимости билета обратного. Вы также сможете забронировать каюту для молодоженов с повышенным уровнем комфортности.

– Понятно, – вздохнула Карла.

– Если вы поторопитесь и приведете вашего жениха в течение получаса, вы можете получить билеты без очереди. Следующий!

Девушку оттеснил от регистратора крупный мужчина, судя по цвету кожи и форме носа – не уроженец Ка-Пессы. Карла отступила на шаг, окинула типа унылым взглядом. На ее вкус это был не самый симпатичный мужчина. Да и вообще кто может сравниться по красоте и стати с самим Звездным Рыцарем? Он самый привлекательный мужчина во Вселенной!

Карла поймала себя на мысли, что оценивает каждого посетителя – от служителей-киборгов до пассажиров. До начала посадки на шаттл оставалось чуть больше полутора часов, а у нее еще не оформлены документы на вылет и нет билета. Это просто свинство! Она подданная империи, и ей отказано в праве свободно перемещаться по галактике!

Она решительно направилась к единственному человеку из таможенников – начальнику участка, восседавшему на помосте, заключенном в полупрозрачный купол с надписью «Решение сложных вопросов».

– Мне надо улететь с планеты, – заявила Карла, едва в прозрачном куполе для нее открылась щель. – А меня не выпускают почему-то! Эти ваши андроиды совсем с катушек слетели!

– Давайте вашу паспортную карточку, – человек протянул

руку. – Сейчас мы со всем разберемся!

Он вставил пластиковый прямоугольник в считывающее устройство, набрал код доступа.

– Хм... все верно. Вы не можете покинуть планету, поскольку участвуете в программе размножения.

– Но я лечу к жениху! Мы собираемся... эм... размножаться там.

– Там – это где?

– На Вангее. Он живет на Вангее, понимаете.

– Почему?

– Что? – моргнула Карла.

– Почему вы летите на Вангею? Почему нельзя оформить отношения здесь?

– Потому, что он... ну... он не может прилететь ко мне. У него такая работа... Понимаете ли, он – звездный рыцарь. Он принадлежит всему космосу!

– В таком случае, вы не можете покинуть планету.

– Но почему?

– Вы участвуете в программе размножения.

– Но я лечу на Вангею, чтобы принять участие в...

– По закону Ка-Пессы вашим партнером должен быть либо уроженец Ка-Пессы, либо любой другой гуманоид, одобренный генетической комиссией и зарегистрировавший с вами отношения на территории Ка-Пессы. Либо подавший заявление о том, чтобы эти отношения были зарегистрированы на другой планете, входящей в состав Великой Звездной

Империи.

Карла тихо взвыла. Как она могла про это забыть? Проклятая программа размножения! Проклятые законы, стоящие на пути к ее счастью! А ведь пятьсот лет назад началось все довольно мирно и даже ко всеобщему благу...

... Пятьсот лет назад началась активная колонизация Ка-Пессы. Планета оказалась вполне земного типа, люди могли существовать на поверхности без скафандров, разве что чаще страдали одышкой из-за обилия углекислого газа и на первых порах носили респираторы из-за слишком сильного запаха, который испускали некоторые местные виды растений. Настолько сильного, что три самых распространенных вида даже получили название научное название «вонючка», «вонявка» и «вонь». Но прошло каких-то тридцать-сорок лет, и стали замечать, что все чаще в потомстве появляются отклонения от нормы. Некоторые из них были столь радикальны, что от детей пришлось избавляться. Планету закрыли на столетний карантин, среди населения провели полный генетический анализ, в результате чего и появилась первая программа размножения. Выявили генетически здоровых женщин и мужчин, которые и получили право обзаводиться детьми. Каждые пятьдесят лет программа размножения корректировалась в зависимости от демографической ситуации. Каждая девушка, достигнув совершеннолетия, проходила полный медосмотр и получала рекоменда-

цию, можно ли ей иметь детей и в каком количестве. Вхождение планеты в состав империи эту программу существенно изменило, но не отменило целиком и полностью.

Увы, Карлайла была признана годной к участию в программе и должна была родить либо одного ребенка вне брака, либо двоих в браке. Семь лет назад она, пройдя комиссию и выслушав рекомендации, отмахнулась от них – до замужества оставалась пропасть времени, можно не забивать голову ерундой. Оказалось, не такая уж это и ерунда, если от этого зависит ее счастье!

– Что же мне делать? – пролепетала она. – Я должна отправиться на Вангею.

– И вы имеете на это полное право. Но одновременно вы должны исполнить свой долг.

Девушка чуть не расплакалась.

– Но меня ждут...

– Об этом надо было беспокоиться раньше. Одно могу сказать точно – сегодня вы с Ка-Пессы точно улететь не сможете.

Забрав карточки, Карла выбралась из кабинета начальника таможни, побрела по залу. Мелодичный голос на четырех языках объявил, что заканчивается продажа билетов на Вангею и начинается посадка на шаттл. Девушка всхлипнула. Сегодня это был единственный корабль, который летел в том направлении. Следующий лайнер до Вангеи отправляется завтра вечером и до конца недели транспорта в ту сто-

рону больше не будет. Правда, можно найти чартерный рейс или даже добраться с пересадкой – тут открывалось столько вариантов, что просто глаза разбегались – но факт оставался фактом. Что на Вангею, что на любую другую планету – ее не выпустят с Ка-Пессы, пока она не отработает свое в этой ужасной программе – или не предоставит по плоти того мужчину, с которым она в ближайшем будущем эту программу будет отрабатывать. В конце концов, в ней участвует вся планета! Неужели нельзя сделать одно-единственное исключение? Что, человечество Ка-Пессы без ее генетического материала понесет тяжелую утрату? Она что, единственная женщина, которая может рожать? Бред какой-то!

Перед нею встала мутная стена полупрозрачного пластика, отделяющая зал ожидания космопорта от буферной зоны. Сквозь стекло была видна стоянка таксофлайеров, несколько магазинчиков, двухэтажная пристройка зала документаций. Вдали вставал город. Над ним висело зеленоватое небо с перышками облаков. Сейчас все было подернуто серой дымкой, словно снаружи сгущался туман.

– Ненавижу эту планету!

– Совершенно с вами согласен.

Карла даже подпрыгнула. В двух шагах от нее стоял и нервно пожевывал губами какую-то палочку худощавый тип, от ботинок до шеи затянутый в темно-синий комбинезон, поверх которого была наброшена накидка из разноцветных полос разной длины.

– Отвратительное место. Серое и унылое, – сказал незнакомец, кивнув на пейзаж за окном. – Какое счастье, что я вечером отсюда улетаю.

– А вот я не могу улететь, – вздохнула Карла. – Меня не выпускают...

– Почему? Вы – международная преступница? Или член правительства? А может...

– Ни то, ни другое, ни третье, что бы вы ни придумали. Я просто женщина.

– Хм, – незнакомец окинул ее скептическим взглядом. – Должен признать, что вы к себе несправедливы. Вы не просто женщина, вы – ужасно красивая женщина.

– Оставьте свои комплименты при себе, – отмахнулась Карла. – Что мне в этой красоте, если я не могу использовать ее по назначению!

Она отошла на несколько шагов, присела на ближайшую скамейку. К ее удивлению, незнакомец последовал за нею и присел рядом, сохраняя, однако, приличную дистанцию.

– Прошу мне простить мою навязчивость, – помявшись, заговорил он, – но всему виной скука. Я тут никого не знаю, а ждать отлета мне еще несколько часов... Кроме того, вы явно нуждаетесь в утешении и поддержке.

– Я нуждаюсь в том, чтобы улететь отсюда! – парировала Карла. – Но мне не продают билета! Видите ли... вы ведь не местный?

– Да. Я с Элизиума.

Карла пропустила название его планеты мимо ушей. В империи столько обитаемых планет, миров и приравненных к планетам астероидов, что запомнить все названия – ума не хватит. Поэтому она просто кивнула.

– Так вот, у нас на Ка-Пессе свои законы. У нас женщина, которая приняла участия в программе размножения, но пока не родила согласно этой программе ребенка, не имеет права покинуть планету. То есть, если ты бездетна, тебе путь в иные миры заказан.

– Какое варварство! – протянул незнакомец. – На дворе конец одиннадцатого века космической эры, а тут какое-то дикое средневековье!.. Впрочем, на некоторых планетах законы еще хуже. Например, вы знаете, что жителям Старой Земли нельзя посещать другие обитаемые планеты?

– Вот как? – землянки были Карле не интересны, она переспросила просто из вежливости.

– Вот так. Участвуешь ты в программе или нет, имеешь детей или нет – не важно. Важно другое – раз ты родился на Старой Земле, там и оставайся, а про другие планеты забудь. Вот где дикость! Вот где варварство! У нас все-таки законы помягче...

– Да уж, помягче, – девушка опять расстроилась. – Пока не родишь ребенка, не имеешь права улетать... А я не могу ждать десять месяцев. Мне улететь надо сейчас!

– Сегодня?

– Ну, – она покосилась на противоположный конец зала,

где открывался выход в зал таможни, и где сейчас полным ходом шла посадка на челнок до шаттла. – Хотела сегодня, но мне не продали билета. И, подозреваю, не продадут ни на какой другой рейс...

– А, простите, куда вы направляетесь?

– На Вангею.

– Надо же, какое совпадение, – криво усмехнулся незнакомец, – я тоже лечу на Вангею. Только на частном транспортнике. Он сейчас на нижней орбите Ка-Пессы и скоро будет здесь. За мной обещали спустить гравиплатформу*

(*Гравиплатформа – именно с помощью этого устройства пришельцы обычно похищали в недалеком прошлом землян для своих исследований. Прим.авт.)

– Ого, – уважительно покачала головой Карла. – Даже так?

Она мало, что знала о космических кораблях – сфера ее интересов лежала в области биржевых сводок, светской хроники и последних новинок моды, а также любовных романов. Дальние миры и космические перевозки девушку интересовать стали буквально с прошлой недели – с тех пор, как она узнала, что Гурий Хват реальный персонаж, просто живет на Вангее.

– Да, – ее собеседник отчего-то смутился. – Я понимаю, что это старье. Гравиплатформы, наверное, остались только в музеях или где-нибудь на совсем отсталых мирах, которые только-только начали осваивать космос, но... старое – не значит «никуда не годное»! Старушка способна за один раз

поднять груз в четыреста пятьдесят килограммов и без паузы совершить подряд три «ходки»! Потом, правда, нужен получасовой перерыв, чтобы система перезагрузилась и охладилась, но нам пока как-то хватает ее мощностей.

– Вы путешественники?

– Торговцы. Частные перевозки мелких и срочных грузов, доставка курьерской почты, выполнение мелких поручений и чартерных рейсов на небольшие расстояния. Оплата принимается натурой, наличными и кредитками всех обитаемых миров по заранее обговариваемому курсу, принимается и система взаимозачетов. К оплате мы *не* принимаем только домашних животных, комнатные растения и секс.

Последнее обстоятельство понравилось Карле. Хоть сейчас на дворе просвещенный одиннадцатый космический век, а она сама девушка весьма свободная, но не настолько, чтобы торговать своим телом направо и налево, особенно ради высшей цели.

– Скажите, а вы местную валюту принимаете? – спросила она и почувствовала, что голос внезапно сел.

– Кроны Ка-Пессы? Принимаем, а как же! И кроны, и межгалактические кредитки. А вы что, хотите нас нанять?

Если бы он промолчал, Карла тоже не сказала бы ни слова. Но мужчина, как говорится, первый начал, и девушка храбро кивнула:

– Да. Мне надо отсюда улететь. И как можно скорее. Но, как я уже говорила, с планеты меня не выпускают...

– Хм, – мужчина задумался. – Это дело не такое простое, как кажется на первый взгляд! С одной стороны, вы совершеннолетняя, а с другой, вам запрещено покидать планету. Если нас заловят с вами на борту, будут неприятности. Вам, может быть, ничего не будет, а вот нас могут лишиться лицензии, заставят заплатить крупный штраф и запретят появляться в системе. Это в лучшем случае. В худшем могут осудить как работоторговцев. А тут у нас несколько постоянных клиентов, которых не хочется терять...

– Я заплачу! – Карла достала кредитную карточку. – Тут почти полторы тысячи в ка-песских кронах. Это, если не ошибаюсь, четыреста с чем-то межгалактических кредиток. У меня больше ничего нет, я много денег потратила на пластику, визажиста и подбор нижнего белья для встречи с женихом, но...если этого не хватит...

Рука и голос дрогнули. Что, если он скажет – «мало»?

– Дело не в этом, – звездoproходец задумался. – Есть техническая сторона вопроса. Не все из нашего экипажа будут в восторге от пассажирки. И, кроме того, как пройти таможеню? Они знают, что мы торговцы и обязательно просканируют корабль. Песчаную крысу или, скажем, горсть семян я бы мог пронести в кармане, но вы... хм...

– Помогите мне, – Карла вцепилась в руку мужчины. – Мне во что бы то ни стало надо покинуть Ка-Песс и попасть на Вангею как можно скорей! Меня ждет жених. Я не могу себе позволить потерять его! Наша история... это очень

сложно и хрупко. Многое зависит от того, как быстро мы встретимся. Дорога каждая минута!

– Ну, – мужчина посмотрел на тонкие пальцы, которые изо всех сил стискивали его запястье. – Меня зовут Берген. Просто Берген.

– Карлайла. Можно просто Карла.

– Придется нам подождать, Карлайла.

Никогда еще время для Карлы не тянулось так медленно. Все электронные табло словно отключились. Солнце прилипло к небосводу, тени казались кляксами. От волнения девушка не сводила глаз с взлетного поля, разбитого на секторы наподобие гигантской шахматной доски примерно два километра в длину и километра три в ширину. Там на некоторых «клетках» стояли корабли – два челнока, ожидающих погрузки на большие проходящие лайнеры и фрегаты. Они были настолько велики, что не могли опуститься на планету, а зависали над нею в плотных слоях атмосферы, пока челнок доставлял на борт пассажиров и грузы. Кроме челноков, тут был еще один шаттл и десяток частных судов и торговцев. Некоторые корабли на борту имели знак и герб какой-нибудь крупной торговой ассоциации, но примерно половина щеголяла «неизрисованными» бортами. Девушка поймала себя на мысли, что пытается отыскать среди них того самого торговца, что вызвался ей помочь.

– Не старайтесь, Карлайла, – Берген каким-то чудом уга-

дал ее мысли. – Нашего «Лебеда» тут просто не может быть. Сейчас он находится на теневой стороне планеты и явится сюда лишь с наступлением темноты. Мы не любим афишировать нашу деятельность. Дело в том, – добавил он извиняющимся тоном, – что, как в вашем случае, нам приходится иногда нарушать закон...

– Я поняла, – ответила девушка со спокойствием, которого на самом деле не ощущала. – Вы – пираты?

– Как вы можете такое подумать? Мы – всего-навсего торговцы. Мы даже не вольные звездопроходцы. Мы не спешим открывать новые миры – мы предпочитаем идти по пятам за настоящими звездопроходцами или летать проверенными трассами. Кроме того, разве пираты стали бы волноваться о том, как пройти таможню?

Карла была вынуждена согласиться. Действительно, «черные» звездопроходцы просто-напросто облетели бы таможню по широкой дуге, а на предложение остановиться для досмотра послали бы чиновников в долгий пеший поход по народной тропе, которая не зарастет до тех пор, пока будет жив хоть один человек.

Однако ничто на свете не может длиться вечно. Корабли в порту стартовали и прибывали на место через строго определенные интервалы, в тридцать минут, за исключением частных, которые трижды нарушали планы, взлетая и садясь, когда угодно. Когда погасли бортовые огни восьмого по счету стартовавшего корабля, Карла заметила, что стало темнее.

Следующий челнок стартовал в глубоких зеленых сумерках, и едва погасла его огни, как Берген схватил девушку за руку.

– Пошли.

Вдвоем, не спеша, как обычная парочка, они вышли из здания космопорта и направились прочь от стоянки таксо-флайеров, углубляясь в проход между складами и техническими зданиями. Не зная, куда ее ведут, Карла начала нервничать.

– Что происходит? Куда вы меня тащите?

– На место встречи, куда же еще! Или ты думаешь, мои люди опустятся прямо посреди поля? Иди спокойно, не дергайся!

Карла оторопела. Ее чуть насмешливый вежливый и спокойный спутник преобразился в холодного жесткого циника. Такие как раз и набрасываются на девушек в темном переулке, насилуя и грабя. Карлу саму никогда не грабили и не насиловали, но она слышала и читала леденящие душу истории. А вот теперь, благодаря своей доверчивости, и участвует.

Они отмахали километра два или три, уходя все дальше от освещенной части порта, и наконец остановились за каким-то низким зданием с плоской крышей. Дальше расстилась равнина, покрытая чахлой редкой травой, в которой тут и там темнели проплешины. В этой части взлетного поля корабли приземлялись редко. Если бы не следящие вышки, вообще казалось, что они покинули территорию космопорта.

– Будем ждать.

Карла поежилась. Вечерний ветер стал холодным, и она начала мерзнуть. Потом вспомнила, что в сумке на самом верху лежит прекрасный плед. Она полезла было за ним, но Берген хлопнул девушку по руке:

– Стойте спокойно.

– Но я замерзла. А там плед. Дайте мне...

– Потерпишь, – он переходил то на «ты», то на «вы» и то и дело косился по сторонам, словно вот-вот на них набросятся враги. – Немного осталось.

– Сколько?

– Почем я знаю? – мужчина глянул на наручный комм. – Еще около получаса. Стоим и ждем до полуночи. В двенадцать никого не будет – возвращаемся в порт.

– Зачем?

– Отдохнуть, вздремнуть, перекусить и ждать следующей ночи. И так трое суток. Если корабль не придет через трое суток, предлагается все бросать и добираться до места своим ходом.

Карла чуть не взвыла от досады и обиды. Неужели, все зря? Трое суток ожидания – впустую? Но она должна вылететь отсюда и воссоединиться с Гурием Хватом! И ничто не встанет на ее пути!

Злость придала девушке сил и прогнала холод и усталость.

– Я должна убраться с этой планеты! – заявила она. – Здесь меня ничего не держит. С работы я уволилась, модуль

сдала, друзья знают, что я уже улетела, мама...

Мысли и речи девушки дали сбой. Мама отговаривала ее улетать. Мама знала, что дочку не выпустят с Ка-Песса. Она наверняка сидит сейчас и ждет, когда Карла вызовет ее по комму и попросится переночевать. Нет! Лучше в гостиницу! Здесь, при коспоморте, расположены аж две – для людей и гуманоидных рас. Другой вопрос, что ее, коренную ка-пессянку, могут в их и не пустить – дескать, вы имеете право поселиться в городе.

Ах, да! И как же она сразу-то не поняла...

– Послушайте, Берген, – она потеряла своего спутника, – а вы можете достать мне другие документы?

Тот покосился на девушку с каким-то непонятным, диким изумлением:

– А с чего вы взяли, что я могу это сделать?

– Но это же очевидно! Вы собираетесь улетать с этой планеты, и делаете это втайне. Мы торчим тут уже полчаса, на ветру, в глухом уголке, в тени, стараясь не привлекать к себе внимания. Ждем корабля, который должен нас забрать в условленное время. Более того – если он не придет на место встречи, нам придется убираться отсюда, используя какие-то обходные пути, которые у вас, наверняка, есть. Кроме того, вы весьма уклончиво сообщили мне о своей работе, цели, и ничего не сказали о том, кто вы и откуда. С какой планеты, наконец!

– Но вы же не спрашивали... – мужчина улыбнулся.

– И вы так активно стали доказывать мне, что вы не пират, а обычный торговец, – не слушая его, продолжала девушка, – что вывод напрашивается один. Вы самый настоящий пират и есть!

Ответить Берген не успел. Послышалось низкое, постепенно нарастающее гудение. Над их головами что-то мигнуло, после чего какая-то тень накрыла часть звездного неба. Резкий порыв ветра заставил людей шарахнуться под защиту ближайшего ангара – вернее, их просто швырнуло под его стену. Гудение стало громче, а в следующий миг его перекрыл рев сирен.

– Демоны космоса! – выругался Берген. – Они там что, пьяные?

Тень качнулась, нависая над ангарами. Все погрузилось в тень, а потом внезапно вспыхнул свет. Такой яркий, что Карла на несколько секунд ослепла. Она крепко зажмурилась, морщась от резкой боли в глазах и чувствуя, как по щекам бегут слезы.

– Точно, пьяные. Ну, мать их в...

Остальные слова мужчины потонули в реве и пронзительном металлическом звоне.

А потом девушку дернули за руку. От неожиданности она споткнулась, упала на колени.

– Шевелись! – рявкнули над ухом. – Если не...

Снова рев. Карла подхватила, вслепую помчалась на голос. Если бы не рука, которая все еще сжимала ее запястье,

она бы не убежала далеко. Налетела на что-то, какое-то препятствие. Но ее резко вздернули вверх, заставив на него взобраться.

– Держись!

«За что?» – хотела спросить все еще не открывавшая глаза девушка, но тут под пальцы попался какой-то шест. Она вцепилась в него, чувствуя, как их стремительно возносит – чуть ли не всасывает – вверх. Желудок остался далеко внизу, на планете, а внутри на его месте образовалась жуткая сосущая пустота, от которой Карлу чуть не стошнило. Голова закружилась, и когда полет внезапно остановился и платформа, на которой она стояла, с чмоканьем заняла устойчивое положение, девушка покачнулась, едва не падая.

В ушах стоял гул, глаза щипало от слез, к горлу подкатывала тошнота, ноги дрожали и подгибались. Она лишь краем сознания воспринимала, что рядом кто-то есть. Слышались смутные голоса – двое или трое яростно переругивались на незнакомом языке. Потом ее крепко схватили за локоть, дернули.

– Отцепись! – послышался знакомый голос. – Слышишь?

Карла разжала пальцы. Ее стащили с платформы, которая оказалась невысокой, всего по колено, и куда-то поволокли. Девушка шла, как во сне, протянув вторую руку вперед и ощупывая пространство.

– Сюда! Давай! – еще несколько слов на чужом языке.

С шелестом отъехала переборка. В лицо пахнуло холодом,

таким сильным, что мигом замерзли слезы. Карла распахнула глаза, свободной рукой раздирая слипшиеся ресницы. Проморгалась. Помещение было металлическим – пол, стены, потолок. Вдоль стен тянулось несколько металлических труб, покрытых слоем инея, местами намерзшего толстым слоем. Сверху свешивалось полтора десятка крюков, на которых болталось что-то вроде огромных коконов, тоже покрытых инеем. Вдоль стен на полу тянулись ряды ящиков разного размера, некоторые друг на друге, так что оставался лишь сравнительно небольшой проход.

– Ч-что эт-то? – от холода зуб на зуб не попадал.

– Твоя каюта, – сказал Берген. – Дай руку.

Она протянула дрожащую кисть. Вынырнувший откуда-то сбоку незнакомый мужчина со странной синеватой какой-то чересчур гладкой, как воздушный шарик, кожей ловко прижал короткими толстыми пальцами к ее запястью... шприц?

Укола Карла не почувствовала. Просто внезапно тело налилось свинцовой тяжестью, а горло перехватило.

– Ч-что... – последний раз шевельнулись губы, и сознание упало во мрак.

– Ничего, – сказал тот, кто представился ей как Берген, бережно укладывая бесчувственное тело в щель между ящиками. – Ты все хорошо проверил, док?

Тот, кого он назвал доком, пожал округлыми плечами:

– Процедура стандартная. Дозу я, правда, взял примерную, не было времени рассчитать...

– Ладно. Пошли.

Переборка с шипением встала на место. Свет погас. Включилось автономное питание.

Глава 3.

Планета была безжизненной. В том смысле, что, несмотря на наличие атмосферы, давления в девять десятых единицы и приемлемого температурного режима – из тридцати часов местных суток часа три-четыре можно провести на поверхности, не боясь превратиться в ледышку или поджариться до хрустящей корочки – жизнь на поверхности практически отсутствовала. Ибо не выполнялось одно из неперемных условий существования оной – наличие свободной воды или другой жидкости, выполняющей роль местного «универсального растворителя». Человечеству были известны планеты, где роль такого растворителя выполняли, кроме привычной окиси водорода, его многочисленные разновидности – так называемая тяжелая вода, аммиак, плавиковая кислота и другие соединения. Там, где имелаась жидкость – не важно, какой формулы – там имелаась и жизнь. Здесь воды практически не было. В жидком состоянии. Примерно девяносто процентов суши были покрыты льдами, и лишь теоретически кое-где под их слоем сканнеры показывали наличие свободной жидкости. Да, моря тут имелись, но на глубине в несколько десятков метров под толстым слоем льда. Посему и планету не спешили колонизировать. Но жизнь на ней бы-

ла. Человек – такая скотина, которая привыкает ко всему.

Словно в насмешку над жестоким климатом, планета была до того богата всеми остальными минералами, что ее успешно разрабатывали аж три горнорудные компании, расположившиеся на трех разных материках и принадлежавшие трем разным расам.

– Это для нас огромный плюс и огромный же минус, – говорил Бодяга, склонившись над обзорным экраном, на котором медленно вырастала система. – Три компании конкуренты друг друга и ни за что не полезут на территорию соседей, что бы ни случилось. В данных условиях это равносильно вторжению в соседнее государство и объявлению войны. Так что они будут сидеть смирно и ни во что не вмешаются. А плохо то, что их все-таки три. И ничто не мешает им сообщить своему начальству, что у соседей не все в порядке.

– И что с того? – пожал плечами Минк, занимавший место пилота. – А то ты не знаешь политиков? Пока новость дойдет до того, кто по рангу должен ею заинтересоваться, да пока в верхах примут решение, да пока приказ пройдет сверху вниз по всем инстанциям – ищи комету среди метеоров!

– Это смотря какие политики, – скривился капитан. – Одна из компаний принадлежит частному лицу. Некий Верховный Диктатор всея Энарии.

– И что?

Вместо ответа Бодяга отправил запрос в инфранет.

Энария оказалась небольшим государством, занимавшим

всего одну звездную систему. Из трех планет заселена была только одна, еще на двух – небольшие колонии. Энарцы не представляли угрозы ни для Великой Звездной Империи, ни для Лиги Двадцати Миров, ни тем более для Союза Свободных Планет, в который они то входили, то выходили в зависимости от положения дел. Опасны они были разве что для таких же маленьких, но гордых государств, с которыми то воевали, то торговали. На эту планету, которая из-за отсутствия жизни получила лишь номер – АЕ-116-43/дубль-4 – Энария претендовала по одной простой причине – энарцы ее и открыли, но освоить полностью не хватало ресурсов. Вот они и продали две трети территории двум конкурентам – Союзу Свободных Планет одну треть и меорам вторую. Но формально-то они хозяева и оставили за собой право вмешиваться. Так что, если энарцы захотят, они-то все и испортят.

– Значит, надо просто сделать так, чтобы они не успели или не смогли этого сделать, – промолвил Минк.

– Правильно! И это, – капитан Бодяга в упор посмотрел на Шоррена, – уже твоя задача!

После того памятного разговора это был едва ли не первый раз, когда тот покинул свою каюту и отправился куда-то, кроме галюна или камбуза. Сидеть в четырех стенах было и безопасно, и тревожно, и скучно. Шоррен понял, что отвык от безделья и чуть ли не с ностальгией вспоминает Гудзон и учебку в полицейской академии. Пусть он порой уставал

так, что ног не чуял, пусть ненавидел такую жизнь и мечтал ее изменить – но это была *жизнь!* А сейчас? Он даже точно не мог сказать, сколько прошло дней – они все сливались в одни нудные сутки.

Он уставился на экран, изучая систему. На отдельном вирт-окошечке медленно вращалась трехмерная модель планеты, о которой шла речь. Сплошь ледяные скалы, из которых кое-где торчат камни, ледяные ущелья и сглаженные ураганами равнины, похожие на гигантские катки. Условные границы пролегали по самым высоким скалам и представлялись на экране в виде пунктирных точек.

– В чем состоит моя задача? – переспросил он. – Хотелось бы подробностей.

– Какие тебе еще нужны подробности? – заворчал навигатор из новеньких, который Шоррена не знал.

– Помолчи, Вер, – отмахнулся Бодяга. – Парень имеет право знать... Ты нам должен помочь, – начал он таким тоном, что Шоррен похолодел. – Ты ведь не маленький мальчик, и с тобой можно обойтись безо всех этих сказочек и баек, зачем мы туда летим?

Шоррен кивнул. В том, что задумали на «Вольном Ветре» не было ничего из ряда вон выходящего. «Черные» звездопроходцы часто перебивались подобными «подработками». Находили колонии или разработки, нападали на них, перебив охрану и получая тройную добычу – всю добытую руду, которую можно продать, технику, которая тоже денег стоит,

а также припасы, ну и, самое главное и ценное – это люди. На таких колониях персонал как на подбор – нет ни стариков, ни маленьких детей, ни слабых женщин. Можно брать всех подряд и напрямик переправлять на рынки рабов, порой даже не утруждая себя переоформлением документов. Более того, работяги, захваченные на шахтах, редко устраивали бунты. Чаще всего они равнодушно воспринимали перемены в судьбе – не все ли равно, на кого работать? Трудности с захватом руды, техники и рабов возникали крайне редко – если в шахте обнаруживалась мощная охрана, о которой забыли предупредить, или если сами работяги оказывались слишком агрессивны и оказывали сопротивление. Схема обычно была проста – проникнуть на территорию колонии сначала небольшой группой, запудрив мозги на КПП, а потом открыть переходной шлюз изнутри, запуская группу захвата и обесточив сигнализацию.

– И для тебя у нас особенное задание!

Начинался новый день, солнце медленно вползало на горизонт, и льды окрашивались розовым и синим цветом, поблескивая так, что резало глаза. Только солнцезащитные очки и спасали от ожога сетчатки. Солнце не в силах было растопить льды, но, тем не менее, на скалах и на восточных и южных склонах ледяных гор воздух порой прогревался настолько, что можно было кататься на лыжах в легком свитерке и даже загореть. Правда, загар был оранжево-кирпич-

ного цвета и обгореть до ожога второй степени было легче легкого. Поэтому желающих превратить это местечко в горнолыжный курорт не находилось.

Большая часть поселения была скрыта во льдах – на поверхности торчали только крыши, похожие на линзы. Благодаря оптическому эффекту в домах поддерживалась приемлемая температура, солнечные батареи в течение дня могли зарядиться настолько, что за ночь как раз успевали отдать тепло и к утру никто не превращался в ледяные глыбы. Разве что в случае внезапной аварии, но таковых тут не случалось уже лет пять. Более того, поселок рос, монтировали новые мощности батарей, так что не так давно встал вопрос об увеличении численности населения. А это значит, что к рабочим и обслуживающему персоналу могут добавиться члены их семейств. Для кого-то это было долгожданной встречей с родными и близкими, а для Ыйгун – лишними проблемами.

Она поправила очки, всмотрелась в горизонт. Из-за отсутствия водяных паров видимость была отменная – практически только торчащие наподобие острых зубьев глыбы льда и ограничивали обзор. Да слабое человеческое зрение тоже могло подвести. Но точку в небе она видела прекрасно. Несколько минут назад со спутника, на котором располагалась перевалочная станция, передали сообщение о том, что к ним вылетает представитель Интергалактополы.

В ухе пискнула рация.

– Как там дела, Ыйгун-ава? – поинтересовался дежурный.

– Летят. Уже вижу.

– И мы видим. Включаю сигналку.

Некоторые ледяные глыбы тут же осветились изнутри. В небо ударили брызжущие искрами фонтанчики огня. Эдакий праздничный фейерверк. Ыйгун знала, что все свободные от работы колонисты сейчас прильнули к экранам или вовсе в нарушение инструкции толпятся в переходнике, чтобы лично встретить новичка. Не важно, кто прилетел – представитель высокого «внешнего» начальства, чья-то не выдержавшая одиночества супруга, полицейский или просто потерпевший крушение транспортник – всякий раз это было событием в монотонной жизни колонии.

Небольшой «Москит» совершил аккуратную посадку, и, не дожидаясь, пока он коснется «лапками» льда, из люка выпрыгнул человек. Сверху ему кинули вещмешок, и он отбежал на несколько шагов, чтобы не мешать взлету. Новичок был в простом скафандре, но с открытым лицом, и щурился от яркого снега. Ыйгун, прекрасно понимая, как ему сейчас несладко приходится, торопливо шагнула вперед, протягивая руку со второй парой темных очков:

– Вот, наденьте! И следуйте за мной!

«Москит» тем временем покачал надкрыльями и взмыл вверх по плавной дуге, ухитрившись ни за что не зацепиться. На месте его посадки осталась быстро застывающая лужица расплавленной воды, в которой стоял человек в легком скафандре с открытым лицом и озирался по сторонам.

Ыйгун быстро шагнула к нему и схватила за руку, дернув за собой:

– Скорее! Или вы хотите остаться тут навсегда?

– Что? – гость, кажется, ее не понял.

– Вы говорите на интерлингве?

– Д-да, но...

– За мной! Быстро!

Он сделал шаг, и под подошвами его тяжелых космических ботинок сочно хрупнул начавший намерзать лед. Ыйгун поймала удивленный взгляд, усмехнулась, волоча гостя за собой. Они ввалились в проходную, дежурный за их спинами поспешил сомкнуть створки. Зашипела, нагнетая теплый воздух, пневматика.

– Готово. Следуйте за мной!

Полицейский пункт располагался тут же, на КПП, занимая его вторую половину. Ыйгун коротко бросила в рацию дежурному несколько слов, смысл которых ускользнул от гостя. Что-то вроде: «Фронт стандартный, полотно ровное, но ты посматривай на север! А то эти летуны нам могли карту помять!» Что по внутренней связи ответил ей дежурный, гость не разобрал.

Внутри все было по-деловому строго, сухо, даже стерильно. Пластиковый стол, два стула, крохотная тумбочка, на которой стояла электрокофеварка, по углам два сейфа, у двери – вешалка для одежды, под которой притулился обогреватель. Над столом прибита полочка, на которой лежа-

ло несколько коробок и папок. Также пуст и по-деловому чист был стол. Канцелярский набор, стопка пластбумаги, судя по цвету, третичной переработки*, старый ноутбук, коробка с патронами, бутылочка с маслом, несколько распечаток с пометками. Единственными украшениями кабинета были огромная, во всю стену, карта «человеческой» части планеты, испещренная значками и пометками, и... комнатный цветок на небольшом окошке. Над розеткой сочных темно-зеленых листьев возвышался ярко-фиолетовый цветок на длинном стебельке. Это странное, несопоставимое сочетание живой жизни и мертвых льдов за стеклом так поразило гостя, что он замер, хлопая глазами.

(*Третичная переработка – когда уже дважды переработанную бумагу или пластик пускают в дело в третий раз. Отличается светло-коричневым цветом и большой плотностью. Прим. авт.)

– Проходите, присаживайтесь, – Ыйгун прошла к столу, на ходу снимая очки, балаклаву и откидывая на плечи капюшон парки. – Что вы там застыли?

– Я... вы – женщина?

Ыйгун усмехнулась:

– А что? Не похожа? – и сама поняла, что ответила на свой вопрос. Коротко стриженные волосы едва прикрывают уши, фигура полностью скрыта под паркой, натянутой поверх комбинезона, в ушах нет сережек, на лице – косметики, за исключением толстого слоя жира на губах и вокруг глаз,

обычно не закрываемых балаклавой. Видок в этих «масках» у тех, кто выходил на поверхность, тот еще, зато кожа не трескается на морозе.

– Ну...

– Понятно. Вы тоже... хм... Вы, собственно, кто? Нас предупредили, что присылают специалиста, но не уточнили, какого. Мы столько запросов отправляли за последние полтора года, что сами запутались, кого и когда просили. Специалистов не хватает. Нужны инженеры, горнопроходчики, механики, биологи...

Она говорила, а сама рассматривала гостя. Не мальчишка двадцати одного года, что уже хорошо. Взрослый молодой еще мужчина, на вид лет тридцати. Бледный загар выдает человека, который мало времени проводил в космосе. Рыжие вьющиеся волосы до плеч, голубые глаза. Вот только их прищур... цепкий. Слишком цепкий. Так смотрит снайпер в прицел оптической винтовки. Не хотелось бы Ыйгун оказаться под прицелом этих глаз.

– Я – полицейский, – голос рыжеволосого парня звучал как-то неуверенно. – Стажер. Практикант. Меня зовут...

Все-таки ей не померещилось!

– Замечательно! – она перевела дух и протянула руку. – Лейтенант Ыйгун Чайво. Я здесь что-то вроде шерифа, таможни и патрульного в одном лице. Давайте вашу карточку.

– Меня зовут Ганн. Шоррен Ганн, – представился он.

– Прекрасно.

Считывающий аппарат заглотнул карточку, на экране светились ряды символов.

– Только из академии? Ого! И сколько вам? Тридцать?

– Я с курсов переподготовки. До этого был в... службе охраны на одной планете. Набирали добровольцев следить за колонистами, – он криво усмехнулся. – Из числа самих же колонистов. Ну, дослужился до капрала. Подал рапорт на повышение. А тут подвернулся случай... да там все записано.

Ыйгун пробежала глазами строчки короткого досье.

– Почему они вас запихнули в эту дыру? Вы чем-то проштрафились в академии? Тут про ваши показатели в учебе ничего не сказано!

Это действительно было так. На «Вольном Ветре» Шоррену состряпали липовое досье, но залезть в файлы полицейской академии на Вангее так и не сумели и предпочли не писать ничего, ограничившись стандартным «Прошел курс обучения».

– Ну... они не слишком хорошие, – помявшись, «застеснялся» он. – Я бы даже сказал...

– Что вы были первым на курсе, но с другого конца? – подсказала Ыйгун. Молодой человек кивнул. Женщина выругалась.

– Вот что это за невезение, а? – припечатала она. – Мало того, что на полтора года задерживают заявку, так еще и посылают... Небось, еще и для профилактики послали? Мол, смотри, как бы не застрять тут навсегда?

Шоррен испустил вздох, стараясь, чтобы он прозвучал достаточно убедительно. Пусть думает, что хочет. Он здесь в любом случае ненадолго. «Вольный Ветер» сейчас демонстративно уходит от орбиты, чтобы, сделав круг, через несколько дней подойти к планете с противоположной стороны и, стараясь не попадаться на глаза стационарным дозорным, зависнуть над «точкой сбора». За час до назначенного времени Шоррен должен выполнить свою часть плана – обесточить все коммуникации, изолировать начальство и открыть входной шлюз изнутри. Ах, да! Еще и разобраться, где тут что находится и составить план-схему, чтобы его сообщники не блуждали в поисках сами не знают, чего. Игра в полицейского позволяла выполнить хотя бы часть задуманного – составить план.

– Нет, – все-таки сказал он. – Я добровольно пошел.

– Почему?

– Здесь привычно. Как там... раньше...

– Как раньше тут не будет. Здесь некого охранять. Разве что то и дело пресекать разборки. Народу скучно, развлекаются по-своему. А мы должны следить, чтобы они друг друга не поубивали и не испортили оборудование. Иногда приходится и пострелять. В воздух. Так что оружие я тебе выдам, но патроны – извини! – холостые.

Она протянула Шоррену лазерник, сняв его с гвоздя. Парень взвесил оружие на ладони. Система была знакома – на Гудзоне были точно такие же.

– Умеешь обращаться?

Он кивнул.

– Хорошо. Тогда не будем тянуть, пошли, сразу покажу тебе, что да как! Но сначала...

Они вышли в коридор и оказались перед полупрозрачной стеной накопителя, к которой с противоположной стороны прильнуло человек пятнадцать. В одинаковых комбинациях, с одинаковыми напряженными лицами.

– Встречают, – усмехнулась Ыйгун.

– Кого?

– Вас, курсант Ганн. Новый человек... такое событие!

С этими словами она нажала на кнопку, и полупрозрачная стена исчезла. Шоррен сделал шаг. Он уже понял, что его сейчас проверяют.

К черту! Там проверки, тут проверки...

– Ну, чего уставились? – грубее, чем хотелось, спросил он. Рабочие слегка зашевелились.

– Ничего. Смотрим, – промолвил кто-то.

– Ну и как? Насмотрелись?

– Да как сказать...

– Значит, насмотрелись. А вот я – нет. И советую мне не мешать!

Шагнул на толпу, словно собираясь раздвинуть ее плечом.

Рабочие заволновались. В какой-то миг они теснее сомкнули ряды, и Ыйгун уже собиралась прийти новичку на помощь, но тот спокойно сделал второй шаг, потом третий...

А потом кто-то из рабочих сделал шаг назад.

Экскурсия затянулась дольше, чем Шоррен ожидал.

Человеческая колония раскинулась на несколько километров. Большая часть народа обитала в подснежных куполах – зданиях, наполовину утопленных во льду, наполовину торчащих из него. Торчала в основном крыша, полупрозрачная, со встроенными солнечными батареями, которые накапливали тепло, чтобы отдавать его ночью. Окон в домах-полусферах не было, поскольку потолки были сами себе окнами. Собственно, настоящими окошками можно было назвать только «отверстия» в стенах главного здания, единственного, которое было выстроено отдельно.

В каждом здании размещалось несколько комнаток, расположенных наподобие лепестков цветка вокруг своеобразной сердцевинки, от которой отходил «стебелек» – коридор, соединявший здание с остальными. На плане действительно колония напоминала букет цветов, поставленных в «вазу», которая представляла собой центральный отсек, откуда спускались в шахты за рудой. Руду – марганец, молибден, кобальт, иридий, алюминий и еще десятка полтора цветных металлов, не считая кристаллов кварца, бериллия и нефрита – добывали сразу на нескольких слоях. Шахта тоже напоминала растение – только массивное дерево – от центрального «ствола» во все стороны отходили «ветки», тянущиеся к рудным жилам. Там, где у «дерева» могла находиться «кор-

невая система», тоже находилась система – но жизнеобеспечения.

– Мы тут практически на полном самообслуживании, – не без гордости говорила Ыйгун, – поскольку транспорт с запасами приходит примерно раз в полгода. И то, они частенько забывают прислать провизию. Доставят несколько контейнеров с концентратами, и делайте, что хотите. Так что мы уже привыкли полагаться на самих себя. У нас тут есть теплица, оранжерея, химическая лаборатория для синтеза белков и вкусовых добавок, а также, – она подмигнула, – свой рыболовный садок.

– Рыболовный? – Шоррену показалось, что он ослышался.

– Ну да. Биологов сюда калачом не заманишь – уж больно жизнь здесь... необычная. Но она тут есть.

– Где?

– Подо льдом. Там, – Ыйгун ткнула пальцем себе под ноги, – есть участки жидкой воды. Там темно, чертовски холодно, но там есть... м-м... съедобные существа. Раки. Моллюски. Черви. Рыбы. Время от времени мы организуем экспедиции. Опускаем сеть, тянем, и она редко приходит пустая. Чаще всего ловится рыба и такие мелкие существа... их можно назвать кальмарами, поскольку они беспозвоночные.

В Шоррене проснулся охотник. Когда-то на Гудзоне он был в числе первых, кто рискнул исследовать окружающие леса. Еще не имея права владеть оружием, еще не разбираясь в том, какое животное съедобно, а для какого съедобен

ты сам, он уже начал изучать мир и ставить ловушки. И он не один – несколько десятков растений и животных на Гудзоне было открыто и описано именно благодаря проявившим любознательность каторжникам. А что, если...

– Не сегодня, – Ыйгун угадала его мысли. – Туда слишком долго спускаться. Мы пока пройдемся по поверхности, а потом определим тебя на постой. Тебе надо отдохнуть перед вечерней вахтой.

– Вечерняя вахта?

– Да. Жизнь тут довольно тяжела, развлечений никаких, за месяц работы полагается только сорок часов отдыха, хотя не могу сказать, что рабочие к концу смены еле ноги волочат от усталости.

Шоррен кивнул. Он по своему прошлому знал, что однообразие выматывает порой хуже, чем действительно тяжелый труд.

– Обычно шахтеры работают два-три месяца без отдыха, чтобы накопить побольше часов, а потом сразу тратят их на станции, той, что на орбите, – последовал тычок на сей раз в небо. – Там есть видеотека, бар, инфранет, бассейн, парочка салонов, девочки... Туда иногда на свидание приезжают жены. А тут только бар да комната с игровыми автоматами. Народу надо куда-то сбрасывать напряжение, вот они после смены порой и пускаются во все тяжкие. Драки, поножовщина, разные дикие пари, просто жестокие развлечения. Мы обычно не вмешиваемся, но если кто-то из свидетелей на-

жимает на тревожную кнопку, обязаны среагировать и разобраться. То небольшое представление, которое тебе устроили – это так, мелочи. Тебя снова попытаются прощупать... спровоцировать. Так что поосторожнее первое время.

– Учту, – кивнул он. В этом не было ничего из ряда вон выходящего – весь его жизненный опыт говорил о том, что без подобных проверок не обойтись.

– А еще мы по мере сил помогаем управлять колонией, – продолжала Ыйгун.

– Вот как? – Шоррен почувствовал, что сейчас услышит кое-что действительно важное.

– Вот так. Только полицейский может перекрыть доступ из нижних помещений в верхние.

– У тебя, – промолвил он, – есть код доступа?

– Да, – кивнула Ыйгун. – А потом он будет и у тебя.

Чтобы не выдать своих чувств, молодой человек сосредоточился на рассматривании ледяных стен, покрытых неровностями, слагавшимися в узоры. Код доступа! Только бы получить его и научиться управлять до того, как «Вольный Ветер», описав круг, вернется на орбиту и подаст сигнал!

Карла почувствовала боль от удушья. Девушка попыталась вздохнуть, но легкие тоже отозвались болью. Острые иголки льда царапали гортань и нос. Она задохнулась, а в следующий миг тело ее задергалось в конвульсиях. Каждое движение сопровождалось той же болью – словно сотни иго-

лочек впиваются в каждую клеточку тела. Тела, которое отчаянно хотело и не могло дышать.

– Аа-а-ах...

Наконец, в легкие удалось протолкнуть немного воздуха, и девушка зашлась в захлебывающемся кашле. Однако уже второй вздох дался легче, третий – еще легче, а через пару минут она могла дышать вполне нормально, разве что обмороженное горло продолжало болеть, да и неприятные ощущения в мышцах не спешили проходить.

– Эти то.

Перед носом оказалась плоская с какой-то мутной жидкостью. Пахла она вкусно, и Карла сделала глоток... тут же едва не заорав от боли. Эта жидкость была горячей и сладкой, она обожгла и без того пострадавшее горло.

– Эти то! Кэнно-ла!

В незнакомом голосе мелькнули повелительные интонации. Содрав с ресниц сосульки, девушка разглядела склоняющееся над нею сизо-голубое существо, выглядевшее так, словно его немного надули. Глазки тонули в круглых щеках, губки бантиком с трудом находили себе место между носом и подбородком. В жирных гладких пальцах существо держало плоскую.

– Эти то! Лалла... Пей. Надо.

Два последних слова были сказаны на интерлингве, и Карла послушно сделала маленький глоточек.

Ей понадобилось полчаса, чтобы, обжигаясь и дуя на жид-

кость, допить ее до капли, но зато после этого все неприятные ощущения как рукой сняло. В животе поселилось приятное тело, по телу струилась энергия, и лишь горло немного саднило. Но сине-сизый «дутик» быстро сунул ей в рот ложечку какой-то кашицы, где жёстами, а где на интерлингве велел держать и не глотать сразу, пока само не рассосется.

Память к гостье давно уже вернулась, и, едва почувствовала, что неприятные ощущения ослабли, Карла приступила к допросу:

– Где я? Что это было?

– Это – корабль, – «дутик» обвел рукой помещение. – Медкаюта. Врач, – положил лапищу себе на жирную грудь. – Оказать первую помощь.

– Но я не... а что это было?

– Холодильник.

– Что? – Карла взвизгнула, тут же закашлявшись от вернувшейся боли в горле. И продолжила шепотом. – Как – холодильник? Меня, что, запихнули в... *холодильник*? Как какую-то... колбасу? Вы с ума сошли! Я – живой человек, а вы... вы... – она трясла кулаками перед носом врача. Тот поспешил отстраниться, заколыхался всем телом, как огромный кусок позвоночного желе и шлепнул ладонью по кнопке внутренней связи, быстро пробулькав в микрофон несколько слов.

– Только попробуй позвать на помощь, слизняк жирный! – прошипела Карла. – Я тебя самого в холодильник за-

суну! И забуду достать!

– Было надо, – булькал врач. – Безопасность...

– Чья безопасность? Ваша или моя? Я – женщина, если вы тут еще не поняли! Свободная гражданка Галактики! И я лечу к своему жениху. Он – звездный рыцарь, борец с несправедливостью и...

Дверь мягко отъехала в сторону.

– О какой несправедливости идет речь?

Карла вскочила с постели, с отвращением отпихнули руки врача, пытавшегося ее удержать. Перед нею стоял Берген, сменивший свою старую полосатую накидку на форменную полувоенную куртку с нашивками. На широком поясе висело несколько кармашков, сумок и две кобуры.

– Ой, Берген! – Карла еле сдержалась, чтобы не обнять старого знакомого. – Объясни ты этому жирдяю, что это несправедливо – запихивать меня в холодильник! Я не кусок мяса! Он не имел на это права! Он...

– Успокойся, девочка, – мужчина улыбнулся во весь рот. – Приказ отдал я. Лют только выполнял мои распоряжения. Не стоит на него орать. Он самый лучший доктор из тех, кто не имеет медицинской лицензии.

– Чего?

– Медицинской лицензии. Это значит, что он...

– Да плевать на него, – отмахнулась Карла. – Ты сказал, что из-за тебя меня запихнули в холодильник, как...как...

– Из-за меня. Я так решил!

– Ты-ы-ы...

Карла атаковала мужчину, намереваясь выцарапать ему глаза, и тот еле успел перехватить ее запястья. В ответ девушка, изогнувшись, яростно укусила противника за руку. Он взвыл, крикнул что-то Люту на незнакомом языке. Врач метнулся к шкафам, схватил шприц-нашлепку, ловко прижал к шее девушки.

Тело мигом сковал холод. Обездвиженная Карла рухнула на постель. Она не могла шевельнуть и пальцем, и лишь бешено вращала глазами.

– Слушай меня, глупышка, – Берген наклонился над нею, – Это – мой корабль, и на нем установлены мои законы. Поняла? Как я приказываю, так и будет. Я что хочу, то и делаю. И если я захотел засунуть тебя в холодильник, значит, у меня были на то причины.

– Ы-ым, – простонала Карла сквозь стиснутые челюсти. Ощущение беспомощности было таким... ужасным.

– Затем, что ты – ка-пессянка. Сама призналась, что участвуешь в этой вашей программе размножения...

Она попыталась поправить, сказать, что это называется иначе, но лишь замычала.

– Сама призналась, что тебя отказались выпускать с планеты, – продолжал Берген. – И когда мы проходили сквозь таможду, нас сканировали. Если бы сканеры нашли одного лишнего человека, хрена с два нас бы выпустили с орбиты Ка-Песса. А в холодильнике твоя нежная тушка сошла за за-

пасы провизии, взятые вольными звездoproходцами в экспедицию к далекой звезде. Еда таможенной декларацией не облагается, тем более что на твоём родном Ка-Пессе нет запрещенных к вывозу деликатесов. Так что тебя заморозили на время прохождения таможни, а сейчас разморозили снова. Док в этом деле мастер.

Они обменялись несколькими фразами на воркующем языке – видимо, родном наречии сине-сизого «дутика». Примерно в это время Карла ощутила, что паралич начинает спадать. Она несколько раз открыла и закрыла рот, пошевелила руками и ногами, попыталась сесть.

– А хте... где мы?

– Где? Хороший вопрос. Сейчас мы примерно в семи световых минутах от горизонтальной орбиты системы Ка-Песс и удаляемся от нее под углом в тридцать две и сорок один градуса относительно центра и минус восемь с половиной градуса отклонения от ядра. Понятно?

– Нет! – Карла попыталась сказать еще что-нибудь, но горло пока еще саднило, и пришлось ограничиться этим словом.

– И прекрасно! Подобное не для женского ума, – презрительно скривился Берген.

– Откуда вы зна-х-х... кх-кх... что для женг-хкого ума, а что – нет? – прохрипела девушка, хватаясь за горло. – Я, между прочим, бухгалтер!

– Ого! – мужчина изобразил заинтересованность. – Приход-расход, дебит-кредит, всякие там таблицы, налоги-выче-

ты, так?

– Угу. А еще – анализ фондового рынка и общей ситуации на бирже и в частной жизни, – заговорив о привычной работе, Карла почувствовала себя уверенно, да и горло уже почти прошло. – Вы не представляете, как много можно извлечь из скандальной хроники. Например, когда пираты в позапрошлом году захватили лайнер «Орден Почетного Легиона», сразу у шести акционерных обществ акции поползли вниз, а еще у двух – вверх. Все это надо учитывать при совершении сделок с недвижимостью и налогами. Например, из-за этого теракта потерпевшая убытки фирма начинает срочно распродавать активы. А эта фирма что-либо производит, значит, ее товар может пойти со скидкой или, наоборот, подскочить в цене. Кроме того, некоторые подобные фирмы тут же начинают манипуляции с налогами...

– Понял-понял, – Берген вскинул ладони. – То есть, ты пытаешься убедить меня в своей полезности, раз мы и торговлей занимаемся. Купи там, продай тут и получи максимальную выгоду. А ты, как налоговый и бухгалтер, поможешь с составлением отчетов и уплатой налогов. Так? Звучит заманчиво.

Он прислонился к дверному косяку, придал себе вид глубокой задумчивости – или на самом деле ушел в свои мысли.

– Демоны космоса! А ведь это мысль! Пойду, доложу главному. Собственный бухгалтер на борту! Это сильно... Отдыхай пока, детка.

Дверь с шипением вернулась на прежнее место. Карла с удивлением покосилась на доктора:

– Что он сказал? Собственный бухгалтер? Но я ведь пассажир? Я...

– Он капитан, – булькнул врач. – Он принимает решения. Мы подчиняемся.

Открыл стенной шкафчик, стал мешать что-то в синтезаторе. Его толстые пальцы двигались так ловко и изящно, что Карла невольно залюбовалась. Не каждая секретарша так умеет пользоваться клавиатурой компьютера. Со стаканчиком, наполненным зеленоватой жидкостью, доктор Лют повернулся к пациентке:

– Вот. Тоник. Витамины. Лекарство.

– Мне это обязательно пить?

– Да. Нужны силы. Энергия. Выздоровление.

На интерлингве он говорил короткими фразами, да еще и пришепетывая. Очевидно, строение гортани не позволяло воспроизводить некоторые звуки.

Прошло всего несколько минут после того, как Карла допила тоник и еще прислушивалась к своим ощущениям, когда над дверью вспыхнула и замигала какая-то лампочка.

– Код вызова. Капитан, – перевел доктор. – Надо идти. Вставай.

Девушка вскочила с койки. С непривычки ее тут же повело в сторону, и она вцепилась в поручень, который, кажется, был закреплен рядом именно для этой цели. Доктор молча

показал на следующий, возле встроенного шкафа с синтезатором лекарств. До него достаточно было сделать шаг и протянуть руку, после чего точно также перехватиться и шагнуть до третьего поручня, у рабочего стола доктора, а последний был закреплен возле самой двери.

Внутри космического корабля Карла была всего пару раз – когда в детстве и юности летала с экскурсиями с родителями или подругами в соседние системы. Но тамошние пассажирские палубы сильно отличались от этого коридора – они были раза в три шире, с магнитными дорожками, многочисленными рекреациями для отдыха, иллюминацией и обзорными экранами. А тут узкий матовый коридор с рядом дверей, над которыми мигали сенсоры и тянулись кабели связи и жизнеобеспечения. Ни иллюминаторов, ни рекреации с зимним садом и местом отдыха. Зато вдоль стен попадались скобы, за которые девушка первое время держалась, пока не привыкла, что в теле необычная легкость.

– Внутренняя тяжесть, – пояснил доктор. – Меньше планетарной. Привыкнешь.

Корабль был разделен на несколько отсеков, перед каждым приходилось выстаивать несколько секунд, пока срабатывает автоматика и открываются двери. За последней обнаружился не очередной коридор, а подъемник на верхнюю палубу, разделенную на два больших отсека – рубка и место общего сбора экипажа. Там сейчас на амортизирующих диванах расположилось трое мужчин разного вида – цвета кожи,

фигуры и черты лиц изобличали в них представителей трех разных миров. Один копался в каком-то приборчике, двое других смотрели боевик. Девушку проводили внимательными взглядами.

– Капитан звал, – сообщил доктор. – Новенькая.

– У нас же загон пустой, – припомнил тот, что занимался ремонтом.

– Я – бухгалтер, – вздернула подбородок Карла.

Невесть с чего все трое расхохотались.

– Да хоть президент торговой палаты, – фыркнул один. –

Попка ничего так, а мордашка...

Если бы не док, который судорожно вцепился Карле в руку и не подтолкнул девушку к полупрозрачной перегородке на вторую половину палубы, она бы точно вцепилась болту в лохмы. Вместо этого скривилась, процедила:

– На себя посмотри! – и решительно переступила порог.

В рубке было четверо. Пилот с навигатором вели корабль, Берген развалился в кресле чуть в стороне, о чем-то беседуя с высоченным голубокожим типом, в котором любой мог угадать веганца.

– О, смотрите, кто пришел! – заулыбался Берген. – Рад снова видеть тебя, детка! Уже на ногах? Вижу, мы сработаемся!

Веганец скривился, что у этих существ означало прилив положительных эмоций. Пилот с навигатором никак не отреагировали на реплику.

– А я не вижу, – начала было Карла, но ее перебили:

– Стул даме! Или она так и должна тут торчать, как...хм...

возле шеста?

Теперь зафыркали и пилот с навигатором. Карла запоздало сообразила, что впрямь остановилась у какой-то опоры, да еще и ухватила за нее. Девушка поспешно отступила на шаг.

– Я вообще-то... меня капитан вызывал! – сказала она.

– Все правильно. Я – капитан! – Берген смотрел на нее снизу вверх.

– Вы?

– Не похож? Детка, в мире не все выглядит так, как мы себе представляем! Эй! Я кому сказал?

Откуда-то выкатился еще один член экипажа – низкорослый лохматый меоренок. Проворно активировал и разложил еще одно кресло, расположенное параллельно капитанскому за спиной у сидения пилота. Судя по расположению плит на полу, тут было место еще для двух кресел. Едва девушка уселась, ей в руку сунули высокий стакан, из которого узнаваемо пахло спиртным.

– За встречу и, пусть и с опозданием, за знакомство, – Берген отсалютовал ей вторым таким же стаканом. – Познакомься с нашим экипажем. Травус и Шок-Прим – наши пилот и навигатор. Топпа-Тринадцать – мой старший помощник. Лохмач – стюард, а те трое за стеной – наш второй пилот, канонир и помощник механика. С доком ты уже знако-

ма. С остальными познакомишься позже, по ходу дела. Всего на борту двадцать человек. С тобой – двадцать один.

– Очко, – хрюкнул динамик, и стало ясно, что троица за стеной подслушивает их разговор.

– Да, – невозмутимо кивнул Берген. – Именно так. Парни они с характером, но и тебе, я заметил, палец в рот не клади.

– А что можно класть? – опять брякнули из динамиков. Послышалось сдавленное хихиканье.

– Конфеты. Женщины любят сладкое...

– И полусладкое, – за переборкой уже откровенно ржали. Карла сидела, как на иголках.

– Что тут происходит? – прошипела она.

– Всего-навсего представление тебя экипажу, детка.

– Меня? Это весьма любезно с вашей стороны, но я всего лишь пассажир и не понимаю...

– Она не понимает! – рассмеялся теперь уже и Берген. – А тут и понимать нечего. Мы – вольные звездопроходцы. Занимаемся тем, чем хочется, а не что прикажет начальство, которое носа дальше своей системы не высовывало и понятия не имеет, какова жизнь на самом деле. Где-то торгуем, где-то воруем, где-то воюем, где-то изучаем. И при совершении сделок нам порой чертовски не хватает человечка, который с лету схватывал все эти бюрократические и бухгалтерские штучки. Например, тебя.

– Вы хотите получить консультацию? По какому вопросу?

– По всем. Я собираюсь нанять тебя на работу. Собствен-

но, я это уже сделал, – Берген отсалютовал ошеломленной девушке своим стаканом. – За нового члена экипажа!

Меоренок шерстистой молнией пронесся по рубке, оделяя каждого выпивкой. Переборка отъехала в сторону, и отдыхавшая там троица присоединилась к компании. Все дружно выпили, кто-то услужливо подтолкнул Карлу под локоток – мол, не отставай.

– Я все-таки не понимаю, – девушке пришлось сделать глоток. – Я ведь договаривалась...

– О чем? Чтобы я помог улететь с Ка-Песса? Я это сделал. Мы от него удаляемся. Еще пара часов при такой скорости, и можно начинать разгон в гиперпрыжок. Что не так?

– Все не так! Мне надо на Вангею! Вы обещали...

– Я обещал, что ты покинешь свою планету. Я выполнил часть свою часть обещания, – Берген поднял пустой бокал и знаком попросил стюарда-меоренка повторить. – Теперь ты выполняй свою часть.

Карла поперхнулась:

– К-какую часть?

– А такую. За проезд надо платить. Кроме того, Вангея нам малость не по пути. Сперва залетим на Аукцион, скинем там кое-чего на барахолке. Твоя задача будет – состряпать нам максимально выгодную сделку, с этими дебитами-кредитами, чтобы мы остались в прибыли хотя бы на пять процентов. Справишься – закинем тебя на твою Вагнею. Не справишься – будешь летать с нами, пока не отработаешь

долг.

Карла сидела, ни жива ни мертва. Вот уж, не повезло, так не повезло.

– Да расслабься, девочка, – ей на плечо легла чужая рука. – Ты вроде ничего. Тебе у нас понравится! Да и потом – романтика! Это понимать на...

– Убери руки! – дернулась девушка. – Хамло!

– Ишь ты, фифа крашенная!

– Сам такой! – вздернула подбородок Карла. – Много вы понимаете в настоящей моде и красоте! Вот мой жених, – добавила, не сдержавшись, – точно понимает!

– Жени-и-их? – мужчины переглянулись. На одних лицах расцветали ухмылки, другие сохраняли серьезный вид.

– Да, жених! – девушка не упустила возможности отомстить. – Мы друг друга очень любим. Я, как вы изволите видеть, даже из дома ради него сбежала. Он сомневается в моих чувствах, не верит, что простая девушка способна на настоящий поступок во имя любви, что нам подавай только все готовенькое, а сами мы палец о палец не ударим ради любимого – вот, пусть получит явное доказательство моей любви и перестанет сомневаться!

Тирада произвела ожидаемый эффект. Все взоры обратились на капитана. Даже навигатор и пилот косились исподтишка.

– Перестанет сомневаться, значит, – протянул тот. – Настоящий поступок, значит... А кто у нас жених?

– Не «у вас», а у меня. И не просто жених, но мы почти уже муж и жена. Нам осталась только формальность – заполнить парочку анкет и поставить парочку подписей под документами. Но, я считаю, что такая мелочь могла бы и подождать, особенно если твой жених настоящий космический герой и звездный рыцарь.

– Ого! – теперь на нее уже откровенно тарасились.

– Его зовут Гурий Хват. Он офицер Интергалактола. Борец с преступностью, между прочим! – Карла еле удержалась от того, чтобы показать команде язык. – И если он узнает, что я попала к пиратам...

– К вольным звездодоходцам! – воскликнул Берген. – Прошу не обобщать!

– Это все равно, – отмахнулась Карла. – И если он только узнает, что мне был причинен вред, он вас вместе с вашей посудинкой в порошок сотрет. Так и знайте! И, знаете, что? Я все-таки советую вам высадить меня на ближайшей планете.

Берген переглянулся со своим старпомом. Веганец слегка покачал руками туда-сюда.

– Ближайшая планета – Ка-Песс. Всего час лету – и мы снова в системе. Еще два-три часа – и мы на орбите. К вечеру получим разрешение на посадку... Ночевать будешь уже дома, у мамы под крылышком... готовясь к участию в программе разведения.

– Она вовсе не так называется! И я вовсе не собираюсь в ней участвовать...

– Тогда заткнись и сиди тихо. Ты летишь с нами на Аукцион и точка!

На Карлу еще никто никогда не кричал. Даже отец. Даже господин Ороро. Даже... она вообще не могла припомнить случая, чтобы на нее действительно кричали. Поэтому жесткий оклик и хлопок ладони по подлокотнику кресла заставили ее съежиться. Она тихо всхлипнула.

– И отставить тут сырость! Мне только соплей не хватает! – еще чуть-чуть понизил голос капитан. – Сама знала, на что шла, так что нечего теперь...

Девушка прикусила губу и уставилась на обзорный экран, установленный так, что он почти висел над их головами. Звезд всяких величин, слагавшихся в созвездия, и мелькающих между ними астероидов и ядер комет было больше, чем она могла себе вообразить. И, хотя картинка казалась неподвижной, она завораживала. Неужели, все это висит в пустоте? В голове не укладывалось.

– А... Аукцион – это далеко?

– Вон там, – навигатор, высчитав курс, ненадолго отвлекся и ткнул пальцем в экран, потом растянул для девушки персональное «окошко» меньшей величины, выбрав нужный квадрат. – Три звезды видишь? Мы пройдем между ними, и прямо по курсу будет Аукцион...

– Не совсем, – поправил пилот. – Там придется взять немного ниже нулевой оси. Сам же рассчитывал.

– Полтора градуса особой роли не должны сыграть. Глав-

ное, мы будем лететь строго по прямой и ни на что не отвлекаться. В таком случае весь полет займет не больше пяти суток. Считая время в прыжке.

– Пять суток, – прошептала Карла. Ее приключение обещало быть долгим. – А... Вангея?

– Это в той стороне, – навигатор показал куда-то вбок, на самую границу виртуальной карты. – Мы собирались на нее зайти, но после визита на Аукцион. Там у нас срочное дело. И груз, который на Вангею привозить опасно.

– Рот закрой, – лениво посоветовал пилот.

– А что такого? Она вроде как теперь своя. И кодов доступа у нее нет.

– Кодов? – насторожилась Карла.

– Чтобы ты не могла залезть в наш бортовой компьютер и самостоятельно изменить курс, – улыбнулся навигатор улыбкой шкодливого сорванца.

– Больно надо, – обиделась Карла. – А все равно мой жених вас найдет и сотрет в порошок, так и знайте!

– Лохмач, покажи девушке ее каюту, – бросил Берген.

Меоренок выкатился из угла, где отсиживался, вынул из руки Карлы бокал, потом подергал лапкой, приглашая встать и следовать за собой. Она вышла, стараясь не глядеть по сторонам. Переборка с шуршанием вернулась на прежнее место.

– Зря ты с нею так, кэп, – пилот отвлекся от экрана. – Полицейская подстилка. Настучит, как пить дать.

– Настучит, – Берген задумчиво заглянул в свой бокал. – Пробеите-ка лучше этого Гурия Хвата по инфранету. Есть на него инфа или нет?

Поскольку пилот был занят, это сделал Топпа-Тринадцать, заняв место за боковым экраном.

– Есть, но не так уж много, – доложил он пару минут спустя. – Тут стандартная анкета и ссылка на какое-то бабское чтение: «Я, звездный рыцарь...» Главного героя зовут Гурием Хватом.

– Чего?

Все, кто не был занят, кинулись к экрану. Несколько секунд мужчины пялились на трехмерное фото обложки и красочную аннотацию книги, которая вот уже рекордные девятнадцать дней удерживает лидирующие позиции в списке самых популярных книг империи. А потом кубрик сотряс многоголосый хохот. Смеялись даже пилот с навигатором, хотя они и не вставали со своих кресел.

– Ну, девчонка, ну не промах! – отхохотавшись, вытер слезу Берген. – Надо же! За книжного героя замуж собралась! Ну да, настоящие мужчины на такое добро вряд ли польстятся.

– Кэп, тут еще одна сноска, – нарушил веселье голос навигатора. – Оказывается, такой полицейский капитан действительно существует. Он впрямь из Интергалакпола. И – ого! – в позапрошлом году отличился в деле «Ордена Почетного Легиона»! А порт приписки его крейсера как раз Вангея!

После этих слов в рубке повисла тишина.

Гурий, конечно, знал, что на два часа патрулирования приходится три часа составления отчетов и написание рапортов. Сперва заявление на разрешение выхода на патрулирование с приложением докладной записки, обосновывающей необходимость отправиться именно в данный сектор Галактики. Затем заявление на разрешение применения оружия. После обязательный отчет о проведении инструктажа с членами экипажа. Дальше – копии всех накладных и примерная смета расходов всего на свете, от воздуха и топлива до просмотров видеофильмов. Затем надо составить и утвердить у высокого начальства план работ и график дежурств. По завершении патрулирования следует сочинить подробный отчет с приложением сметы расходов и объяснительной запиской – почему потратили меньше боеприпасов, чем брали, а также что сделано и что не сделано согласно заранее утвержденному плану. Если ничего не произошло, все равно составить рапорт, где указать причину отсутствия активности правонарушителей. Ну, а если они все-таки нашлись, то... Короче, месяц после каждого вылета приходилось каждый день приходиться в управление и заполнять многочисленные бумаги, анкеты, составлять графики и пояснительные записки, не говоря уже об актах списания использованных боеприпасов. Счастье, что большинство документов типовые – надо лишь скачать нужный файл и кое-что в нем под-

править, например, заменить дату и название сектора, где совершалось патрулирование.

Обычно Гурий занимался всем этим сам, методично ведя полевой дневник наблюдений, но на этот раз усадил за нут Ковача, чтобы старпом не болтался под ногами и не лез со своими комментариями. Он собирался вплотную заняться расследованием дела об исчезновении курсанта Шоррена Ганна, а это требовало еще большего числа бумаг. План работы с пояснительной запиской чуть ли не по каждому пункту, заявление на разрешение проведения расследования, заключение экспертной комиссии, объяснительная записка – зачем ему все это надо? – заключение психолога... Для каждого визита в полицейскую академию приходилось писать заявление на разрешение, составлять план с пояснительной запиской и примерный вопросник. А после беседы еще и сочинять отчет. В таких условиях Гурию просто некогда было думать о том, что произошло за время его дежурства в квадрате 71/85-Геспа-альфа/10, который они как раз и патрулировали все прошлое полугодие.

По счастью, тут ему повезло. Или не повезло, как сказать. Ибо ни второй, ни третий, ни последующие визиты в академию ничего нового не принесли.

Шоррен Ганн был не самым плохим курсантом. В строевой подготовке, на стрельбищах и в управлении военной техникой и знании оружия он показывал отличные результаты, уверенно держась в тройке лидеров потока. Но вот в теорети-

ческих и общеобразовательных науках его учеба оставляла желать лучшего. Тут он действительно был первым от конца. Молодой человек писал с ошибками, практически не знал математику, остановившись на уровне средней школы, имел посредственные знания по остальным наукам – тоже не сильнее школьника десяти-одиннадцати лет. Занятия он не прогуливал и честно пытался догнать остальных, но после первых же насмешек и неудач ему понадобилась помощь психолога. Нет, курсант Ганн не замкнулся в себе и не впал в депрессию. Он просто намекнул, что может убить насмешников, которые впечатлились настолько, что пожаловались руководству. Детектор лжи показал искренность девяносто девять и девять десятых процента, после чего психолог три часа вел с ним разъяснительную беседу, а потом точно также поговорил с его однокурсниками. Инцидент удалось замять, но буквально через три недели и пришел тот самый подозрительный файл.

– Сволочи, – ругался Гурий, шагая по аллее прочь от главного корпуса академии. – Крысы штабные! Таможенники замшелые! – вспомнился дядюшка, живущий по принципу «как бы чего не вышло». – Они его просто затравили. Даже не предоставили шанса... Самих бы их туда, они бы...

– Куда это?

Гурий остановился. В нескольких шагах от него обнаружился один из курсантов. «Флегмачек», – подсказала память.

– Что вам надо?

– Простите мою назойливость, – парень не выглядел смущенным, – но я случайно услышал ваш голос и... не смог сдержать любопытства. О ком идет речь? Уж не о курсанте ли Ганне?

Сначала Гурий хотел послать сопляка подальше, но потом подумал, что второй шанс надо дать любому. Мальчишке всего девятнадцать, в нем силен юношеский максимализм, он еще настолько привык делить мир на черное и белое, а людей на «мы и они», что сама мысль о существовании полутонов для него есть преступление. И чем скорее он поймет свою ошибку, тем лучше.

– Да, я расследую дело об его исчезновении, – сказал он.

– Да какое там дело... сбежал он, – отмахнулся парень. – Почуял, что запахло жареным, и в кусты. Только он забыл...

– Мне кажется, – Гурий не хотел, но против воли начал злиться, – что это вы забыли, курсант Флегмачек, один из основных законов: «Пока не доказано, что подозреваемый – преступник, он невиновен!»

– Но он виновен! – от волнения тот пустил «петуха».

– В чем? Что не стал ждать, пока ему это досье сломает жизнь? Или в том, что когда-то, пятнадцать лет назад, попался на горячем и оказался за решеткой? Вам не кажется, что вы много на себя берете, курсант?

– Простите, господин капитан, – тот посерьезнел, одернул форму, – но вы покрываете преступника? Или...

Гурий попытался успокоиться. Спорить с мальчишкой на десять лет младше он не собирался. Это роняет достоинство и нарушает субординацию. Но будущий полицейский обязан знать, что начальник всегда прав. Ведь иногда так оно и есть!

– Кое в чем вы правы, Флегмачек. Курсант Шоррен Ганн действительно в прошлом имел проблемы с законом. Но прошло почти пятнадцать лет. Из них, насколько мне известно, пять он честно отработал. Отдал долг государству, так сказать. И еще восемь лет жил на планете Гудзон в статусе колониста. А этот статус сам по себе дает определенные привилегии. Например, колонисты либо не платят налоги первые три года, либо платят, но половинные. Им предоставляются кое-какие поблажки, скидки и права. И если колонист – я подчеркиваю, *колонист!* – собирается посвятить свою жизнь работе в Интергалакполе, ему при поступлении обязаны предоставить льготы. Льготы, а не палки в колеса!

– Но он бывший пират! И держу пари, что сейчас он где-то пиратствует!

Гурий задержал дыхание. Парень был прав. Изучая информационные сводки – вдруг всплывет имя Шоррена? – он наткнулся на странный факт. Прибывший из глубокого космоса лайнер «Вольный Ветер» еще на орбите заявил, что желает встать на ремонт и заправиться. В таможенных досье на этот корабль не было никакого компромата – либо на «Ветре» летали честные звездoproходцы, либо просто они умели не попадаться – посему их беспрепятственно пропустили

на планету и даже предоставили прайс-лист на торгово-ремонтные услуги. Однако, буквально через несколько часов после приземления, успев только пополнить запасы топлива, «Вольный Ветер» без объяснения причин стартовал и ушел в неизвестном направлении. Само по себе это событие не было чем-то невероятным, но это произошло в тот же день и примерно в те же часы, когда исчез Шоррен Ганн. Логично предположить, что курсант улетел вместе с ними. И ищи его в Галактике!

– Это еще надо доказать. Или вы хотите поспорить со старшим по званию?

– Никак нет, – парень, наконец-то понял, куда его чуть было не занесло. – Извините, господин капитан. Этого больше не повторится!

Гурий кивнул, показывая, что извинения приняты, сделал пару шагов по аллее, но остановился.

– Для себя вы прощение попросили и его получили, – сказал он. – И, не извини я вас, имели бы полное право возмущаться – дескать, как же так, я же раскаиваюсь! Так вот, для себя вы прощение имеете право требовать. Но почему вы отказываете в этом праве другим, кто, может быть, нуждается в этом больше вашего?

Глава 4.

Шоррен остановился на краю лифта, уходящего круто вниз. Собственно, это была даже не шахта лифта, а верти-

кальная трещина во льду, кое-как обработанная людьми. В гладкой стене были вырублены ступени и имелись поручни – для тех, кто просто перебирается с уровня на уровень по-одиночке. Для групп людей, которые собирались в дальний путь, имелась грузовая кабина.

Сейчас она была внизу, и подниматься не собиралась. А это значит, что кому-то придется спускаться вниз и выяснять, что же произошло. С одной стороны, можно было махнуть рукой и забыть – это была отнюдь не рабочая шахта, уходящая в недра планеты, туда, где пластами залегали богатые месторождения и где порой полезные ископаемые шли сплошным слоем с минимумом примесей и практически без шлака. Там и туннель побольше, и техника помощнее, а здесь узкая нора шириной каких-то полтора-два метра. Запасной выход, техническая шахта.

Но именно там сейчас находились люди.

Вообще-то, можно было махнуть рукой и не обращать особого внимания – здесь постоянно кто-то пропадает. Тем более, если это новички, решившие исследовать подземелья и подледные пещеры. В год планета забирала пять-шесть жизней – оступился и провалился под лед, попал под обвал, вовремя не вышел к лифту, остался ночевать в шахте и не дождался смены. Но это явно был не тот случай. Внизу была группа. Не один-два новичка-старателя, а семь «рыболовов». Сутки тому назад они отправились в подледные пещеры, и с тех пор от них не было ни слуху, ни духу. Заблудились

они и замерзли насмерть среди льдов и скал или затаились и чего-то ждут? Надо было выяснить и принять меры.

– Кинем жребий или...

Ыйгун не растерялась, она лишь подталкивала новичка к принятию решения. Пора парню проявлять себя. Он тут уже неделю и показал себя толковым напарником. Тут жаловаться не приходилось. Лейтенант Ыйгун Чайво не могла радоваться на то, что у нее появился помощник. И если это – худший в выпуске, которого отправили в эту дыру как в наказание, то каковы же лучшие выпускники? Да, академия за последние годы существенно повысила свой статус.

– Кому-то надо туда лезть, с механиком или без, но кто отправится? – продолжала намекать она. Да чего же он тянет-то?

Шоррен действительно не знал, на что решиться. С одной стороны, лезть надо более молодому стажеру – такие дела молодежи чаще всего и поручают: «Слазай, сынок, погляди, чего там? Да смотри, чуть чего – мухой назад!» Но с другой неплохо бы отправить вниз саму напарницу. Приближался час X, когда «Вольный Ветер» войдет в систему с другой стороны. Осталось чуть больше суток до того момента, как, получив особый сигнал, он начнет действовать. Скорее бы! Но для этого в нужный момент ему надо оказаться на поверхности. А лейтенант Чайво пусть посидит внизу. Целее будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.